

АНДРЕЕВ А. П.

НА РАЗВАЛИНАХ ДРЕВНЕГО МЕРВА

(Из путевых записок).

Наши азиатские окраины привлекают к себе внимание как в России, так и за границей. И это настолько понятно, что нет надобности указывать причины... Наиболее интересной окраиной представляется Закаспийская область.

Достаточно припомнить хотя бы те вопли, которые подняли английские газеты в дни скобелевской экспедиции на Геок-Тепе, и потом после занятия русскими войсками Мерва, чтобы понять все значение для нас пустынь и степей Закаспийского края.

Если сопоставить с этим последние и самые недавние нападки «властителей Индии» на наше правительство за предполагаемую им постройку железной дороги из Мерва на Кушкинский пост («и на Герат» — добавляют английские газеты), то важность их приобретения окажется и для нас вне всяких сомнений, — при всем нежелании России принимать на себя те задачи и цели, которые так предусмотрительно старается навязать и разъяснить ей благожелательная соседка.

Не задаваясь непосильной задачей всестороннего обозрения Закаспийской области, — я остановлюсь на блестящем прошлом Мервского оазиса, и на одном из первых наших начинаний в крае, которому нельзя не пожелать от души самого полного успеха — а именно, Мургабском государевом имении, возникшем как раз на том месте, где процветал древний Мерв, «Душа царская», как называли Мерв в VII и последующих веках. [122]

I.

История Мервского оазиса.

Старый и Новый Мервы. — Древность Старого Мерва — Его высокая культура при арабах и сельджуках. — Разгром монголами и падение — Новый Мерв. — Основание Мургабского имения и его оросительной системы.

Немного найдется на свете местностей, которые могли бы поспорить с Мервом своей древностью, а равно превратностью исторических судеб и величием славы в дни процветания.

Но чтобы не породить недоразумений, я должен теперь же оговориться и попросить читателя отнюдь не смешивать в своем представлении Старого Мерва, о котором пойдет речь далее, с Мервом Новым, присоединившимся к России в 1884 году и продолжающим существовать и теперь и, конечно, в несравненно лучшем виде, чем при текинцах.

Между тем и другим городами нет ничего общего.

Начать с того, что Старый Мерв уже около ста лет прекратил свое существование, да и находился он не там, где лежит одноименный русский город, а верстах в 25-ти на восток, подле нынешней железнодорожной станции Байрам-Али.

Он гремел славой и был средоточием культуры в то время, когда не только о Новом Мерве, но даже о самих основателях его — текинцах, не было и помину в средне-азиатских степях, а нынешняя владычица Закаспийской области — великая Российская Империя еще и не начинала своей исторической жизни.

История его восходит к отдаленнейшим, прямо баснословным временам.

Под именем Моуру о нем говорят уже священные книги персов, называющие его третьим местом изобилия, могучим, священным и чистым, созданным светлым богом Ормуздом для своего собственного жительства (первыми двумя местами изобилия были Балх и Герат).

Страбон говорит о нем, как об изобильнейшем месте, охваченном со всех сторон пустыней, и настолько производительном, что Антиох Сотер обвел его стеной и основал в центре город, назвав его своим именем.

Другие древние географы называют строителем его Двурогого (Александра-Македонского), а цитадели — Тахмурса, «ловца [123] злых духов». Но так как нет твердых данных, удостоверяющих пребывание знаменитого завоевателя в Мервском оазисе, то предположение это необходимо отнести к числу легенд (Вопреки этому, на Мервских развалинах указывают калу (крепость), будто бы основанную Александром Македонским).

Перед нашей эрой Маргиана (Мервский оазис) подчинился парфянской династии Арсакидов, при которой в его пределах поселено было до 10.000 римлян, принесших в оазис свою культуру. Эту культуру

поддерживало владычество персов (с III в. по Р. Х) и особенно арабов (с VII в). В IV в. в Мерве появились христиане (несториане), имевшие здесь в течение трех веков свою епископию.

Более точные сведения о прошлом Мерва начинаются с VII века, т. е. до того времени, когда город вместе с своею областью подчинился добровольно арабам, принесшим в него свою богатую культуру.

Они присоединили Маргиану к Хорасану (Северо-восточная и одна из богатейших провинций нынешней Персии) и избрали его базисом для дальнейшего распространения учения ислама в глубь Азии, что давало особенное значение Мерву.

При халифе Аль-Мамуне, сыне знаменитого Гарун-аль-Рашида, Мерв стал на короткое время столицей Аббасидской династии и достиг большой степени процветания. С тех пор его стали звать Мерв-Шахджан (Царская душа) или даже Мерв-Шахджехан (Царь Мира).

Многие тогдашние путешественники говорят о нем и с восторгом отзываются о разных сторонах его жизни.

Так, один из путешественников X века называет его одним из лучших городов Хорасана, славящимся прекраснейшим хлебом, сухими фруктами, великолепными дынями, вывозимыми в медных котлах ко двору халифов, и лучшими на всем востоке шелковыми тканями.

«Своею чистотою, красотой расположения, планировкой зданий и кварталов между каналов и древесных насаждений, обособленностью разных ремесленников на базаре Мерв превосходит прочие города Хорасана», говорит он.

Другой писатель (Мукадаси) подробно рассказывает о прекрасном распределении воды по всему пространству города, об умелом устройстве оросительной плотины на Мургабе, а, описывая [124] Мерв, говорит о нем, как о столице, процветающей, блестящей, просторной и обладающей здоровым климатом.

«Не спрашивай, добавляет он, о банях Мерва, о кушанье харисо (Толченая пшеница с рубленным мясом), о хлебе, об уме, о мужестве жителей, ибо они известны; но спроси о воде их, о заработке их и о добродетелях, — так как они хромают: и спроси о хитрости их и о смутах: у меня об этом список, известный, верный, написанный чистым арабским языком: я правдив, я не из тех, которые едят лепешку посредством своего знания (продают знание). Я стремлюсь к раю и желаю ответить на благосклонный призыв неба. Так, Мерв был бы превосходным городом, если бы в нем не было мало населения...»

Уже при арабах Мерв пользовался широкой известностью и был средоточием наук и искусств. В нем находились знаменитые школы, библиотеки, обсерватории. Но при сельджуках (с XI века) он достигает кульминационного пункта своего развития. При них становится столицей обширной империи, обстраивается громадными мечетями, дворцами, училищами, собирает в своих пределах громадное население и становится богатым торговым городом, в котором сходились караванные пути из Европы, Индии, Персии и Китая.

Из государей Сельджукской династии особенно заботился о Мерве знаменитый султан Санджар (Умер в 1157 году), второй Александр Македонский Средней Азии, собравший в стенах своей столицы громадные богатства и в ней же похороненный в великолепном мавзолее, сохранившемся до наших дней.

Но вот в начале XIII века проходит по Азии всепокрушающий поток монголов, соединившихся под властью Чингиз-хана. Поток этот прошел через Персию и Кавказ и на своем пути срыл и уничтожил гордый Мерв — «Царя Мира».

Один из современных писателей говорит, описывая этот погром, что «человечество никогда не видало от сотворения мира и, наверное, никогда не увидит более подобных катастроф и бедствий. Сам антихрист щадит тех, кто пристаёт к нему, и губит одних сопротивляющихся. Эти же варвары не щадили никого: они убивали всех до последнего человека, не делая исключения для женщин и детей и даже для тех, кто еще был в утробе матери...» [125]

То же было и с Мервом-Шахджехан, разгромленным до основания и лишившимся своего населения, за исключением нескольких человек, взятых в плен...

Там, где кипела шумная жизнь, теперь воцарились мрак и молчание; где процветала богатая и высокая культура, там бродили шайки разбойников; где высились пышные дворцы и мечети, — теперь стояли одни остовы стен, в которых жили шакалы да совы и останавливались для ночлега бродяги и грабители...

Прошло два века прежде, чем властители Средней Азии вспомнили о Мерве и порешили восстановить его прославленную культуру.

Сын знаменитого «Железного Хромца» — Тамерлана, Шахрох, унаследовав в начале XV веке от отца его обширнейшую империю, велел восстановить Мерв вместе с его великолепной оросительной системой.

В этом обновленном виде Мерв продолжал существовать при разных владычествах и с XVI века подчинился власти новоперсов.

Но никогда уже не достигает он прежней славы и величия, а в конце прошлого (XVIII) и в начале нынешнего столетия окончательно прекратил свое существование, благодаря погрому, нанесенному ему бухарскими эмирами Шах-Мурадом и Эмир-Хайдером, которые все население города и оазиса перевели в Бухару.

Постоянные же разгромы плотины, орошавшей Старый Мерв, — к каковым разгромам охотно прибегали враги этого последнего, раз крепкие стены города не поддавались первым ударам, — лишили воды Мервский оазис и, дав другое направление Мургабу, заставили последних обитателей перенести свои жилища на запад — в те места, где возник впоследствии Новый Мерв, нынешний центральный пункт Мервского уезда.

Но, как известно, до прихода в Закаспийскую область русских, ее туземное население — туркмены — вели полукочевой образ жизни и переносили свои войлочные кибитки с места на место, по мере нужды. Постоянного города еще не существовало, и лишь громадные земляные стены охватывали довольно большое пространство, где мервские текинцы укрывались со всем своим имуществом в случае опасности. Сильный вождь их, Коушут-хан, узнав о завоевании русскими Геок-Тепе, стал [126] достраивать эти стены, готовясь к энергичной защите. Небольшая часть его подданных, по совету влиятельной ханши Гюль-Джамар, решила отдаться России добровольно, что и было выполнено в 1884 году. В следующем же году приступлено было к продлению Закаспийской железной дороги, а в 1886 г. открыт мервский вокзал. За ним стал быстро расти и украшаться новый городок, имеющий в настоящее время довольно благоустроенный вид.

* * *

Заняв Мерв и всю страну до Аму-Дарьи, русские, конечно, подчинили себе и то пространство, которое занимают развалины Старого Мерва. В 1886 г. близ этих развалин прошла Закаспийская железная дорога, и возникла станция Байрам-Али, названная так по имени персидской крепости, существовавшей там до 1784 г., когда страну овладели бухарцы и окончательно обезлюдили ее, разрушив Султанбентскую плотину, направлявшую воды Мургаба к пределам «Царя Мира».

Весьма естественно, что при виде этих развалин русская власть задалась мыслью возродить эту погибшую культуру. А это было возможно лишь при условии восстановления разрушенной 100 лет назад плотины и той оросительной системы, которая вела сюда воду из р. Мургаба.

Но такая задача была не под силу частному лицу. Ее взял на себя в Бозе почивший Государь Император Александр III. 6 августа 1886 г. воспоследовал Высочайший указ об учреждении Мургабского государева имения, составляющего собственность царствующего Императора и находящегося в ведении департамента уделов.

В состав этого имения вошли все впусте лежащие по течению Мургаба земли, на которые можно было провести воду без ущерба для оазиса. Целью учреждения имения поставлено создание большого

образцового хозяйства, долженствующего помочь местной культуре и поднять ее на возможную степень совершенства, — на ту степень, на которой она, нужно думать, стояла здесь в давнопрошедшие века. А для этого прежде всего нужно было провести воду на земли, отошедшие под вновь учрежденное имение.

Еще в 1885 г. главнокомандующий гражданской частью на Кавказе, кн. Дондуков-Корсаков, предложил инженеру К. П. составить проект восстановления упомянутой уже выше древней Султанбентской плотины. В 1886 г. проект [127] был готов; в следующие годы производились изыскания, а в 1889 г. приступлено к работам. В октябре 1890 г. работы были окончены, и вода из Мургаба была пущена в новые гидротехнические сооружения.

Но тут случилось несчастье: 26 октября, на третий день после торжества освящения оконченных работ, воды Мургаба, только что направленные в приготовленное для них искусственное русло, оставили это последнее и прорыли себе новое ложе, в обход всех этих миллионных сооружений...

Тогда департамент уделов обратился к инженеру А., и тот в течение 1891 года составил новый проект орошения имения, наметив устройство плотин около сел. Иолотани, лежащего на 60 верст южнее нынешнего Мерва. Этот проект тогда же был одобрен, и к весне 1895 года все главные работы закончились. 23 апреля вода дошла по каналам до Мургабского имения. Теперь остается только распределить ее по всему пространству имения.

II.

В Иолотани.

Сел. Иолотань. — Жестокие лихорадки. — Малярийная эпидемия 1891 года — Борьба с лихорадками — Сила растительности.

Селение Иолотань, — центр одноименного оазиса и приставства, — лежит, как я сказал сейчас, на 60 верст к югу от Мерва, по почтовой дороге из этого последнего на Кушкинский пост.

Оно вытянулось на несколько верст вдоль почтового тракта и все утонуло в зелени высоких и густых деревьев. Больших построек в нем совсем не видно; но тем уютнее выглядят его маленькие домики из-за зелени, в которой они буквально тонут, облитые горячими лучами вечно жгучего южного солнца.

Почтовая станция расположилась при конце селения у большого полного водой арыка (Водопроводная канава), заросшего с обеих сторон ивой, талом, тополем и другими насаждениями. А напротив [128] станции,

через площадь, покрытую травой, расположился дом пристава, утонувший в густом и тенистом саду, охваченном деревянною решеткою.

Так и казалось, что находишься не в Закаспийской области, а в одной из центральных наших губерний, перед богатой и старинной усадьбой, где одно поколение сменялось другим и каждое прилагало все силы для украшения и поддержания вотчины...

А между тем все это селение, вместе с домом пристава, почтовой станцией и этой роскошной растительностью возникло лишь 7—8 лет тому назад, т. е. со времени водворения в оазисе русской власти!

* * *

Я приехал в Иолотань, когда горячее июльское солнце близилось уже к зениту. Для этого мне пришлось выехать из Мерва в 5 часов утра и скакать, нигде не останавливаясь: ездить днем по этим степям в летние жары почти невыносимо.

Дождавшись вечера, я пошел к приставу, штабс-капитану Л., к которому имел рекомендательное письмо.

Он был в управлении, перед которым толпилась масса туземцев-халатников. Принял он меня чрезвычайно любезно и, узнав о моем желании нанять лошадей для поездки на Гиндукушт (Так называется местность, где расположены главные плотины оросительной системы Мургабского имения), категорически заявил, что принимает эту задачу на себя и даже, если удастся, — сам поедет со мною, а пока что просит меня пройти в его дом. Я от души поблагодарил Л. и прошел в дом, где меня также любезно встретила его супруга.

Сидя в саду за стаканом чая, имеющего такое же широкое распространение в степях Азии, как и у нас на Руси, — мы разговорились о тяжелых условиях жизни в глухих медвежьих уголках.

— Вы не можете представить, — говорила хозяйка, — как тяжела здешняя жизнь. Мы с мужем сидим в Иолотани уже четыре года и исстрадались до последней степени. Одного ребенка потеряли уже, исключительно благодаря жарам и лихорадке. А теперь и другая новорожденная девочка мучится и тает с каждым днем.

— Не плачь, душа моя: даст Бог, поправится девочка, — утешал муж. [129]

— Но отчего же вы не вывезете ее отсюда? — спросил я.

— Невозможно, — со слезами ответила хозяйка, — в доме еще

кое-как можно переносить жару. А на воздухе днем жжет немилосердно. Везти придется на Кавказ по железной дороге. Дневных переездов не избежишь. А днем в вагонах просто дышать нечем. Вот так же мы повезли отсюда на Кавказ нашу старшую девочку. От жары она сгорела в два дня, и в Баку я ее схоронила.

Около минуты продолжалась пауза. Ее прервал донесшийся откуда-то стон и слова, произнесенные полу сердитым, полуплачущим голосом:

— Господи, хоть бы сдохнуть поскорее!

— Это что такое? — спросил я.

— Няня от лихорадки мучится, — ответила хозяйка, — просто беда! Не знаем, что и делать. Она три дня уже не может головы поднять от подушки и только и делает, что молит Бога о смерти. А тут еще повар заболел.

— И все лихорадка?

— Все лихорадка, и не простая, а здешняя — болотная: как привяжется, — не отстанет, пока не измучит человека до последней степени. Мы так боимся ее, что ежедневно принимаем хину. И детей начинаем пичкать ею чуть не с самого дня рождения. Ужасное, убийственное место! Жду, не дождусь, когда мы наконец уедем отсюда.

— Ты, голубушка, всегда склонна к преувеличению, — прервал ее муж, — теперь здесь лихорадок уже мало, особенно сравнительно с прежними годами, и болеют ими лишь те, кто не хочет и не умеет беречься. Возьми хоть меня: сколько времени живу здесь и ни разу серьезно не болел. А все потому, что веду правильный образ жизни и ежедневно принимаю 5 гран хины.

— Говори, говори, — возразила ему жена, — а сам на что похож? Кожа да кости! И сейчас на тебе лица нет, да и с утра еще жаловался на озноб...

— Правда, у меня был утром легкий озноб. Но это вовсе не местная малярия. Да если бы это была и она, — я ей не поддамся. Знаю, как бороться с нею, и главное не падаю духом, как ты. Да что! теперь не я один, —

теперь и население уже не то, что было раньше: и оно научилось бороться с этим местным бичем. — Вы не можете себе представить, — обратился он ко мне, — что у нас делалось в 1891 г., когда в оазисе [180]

разыгралась малярийная эпидемия, осложненная другими болезнями и зачастую оканчивавшаяся смертью, вследствие паралича сердца или же сильнейшего малокровия. Население тогда относилось еще крайне недоверчиво к медицинской помощи и боялось врачей чуть ли не больше, чем самой лихорадки. Нам приходилось чуть не силой вручать хину, а потом, навещая больных, я находил их умиравшими на кошмах, под которыми лежали нетронутые хинные порошки.

— Неужели и теперь сохранилось это враждебное отношение к медицине? — спросил я.

— Нет, теперь, слава Богу, далеко уже не то. Теперь уже салыры (Туркмены-салыры населяют Иолотанское приставство Мервского уезда. Они мало отличаются от туркмен-текинцев. В Пендинском приставстве живут сарыки; в Мервском — текинцы) прекрасно знают, что такое «горькие порошки», и сами приходят просить их в случае нужды.

— Как же вы этого достигли?

— Главным образом тем, что привлекли к раздаче хины, кроме врачебного персонала, аульных старшин и их помощников.

— А большая была смертность в 1891 году? — продолжал я.

— Ужасная, — ответил Л., — большая, чем в холерный год. Представьте, что нам тогда пришлось вычеркнуть из податных списков 600 кибиток. А кибитка вычеркивается лишь тогда, когда в ней не остается никого в живых, не только из мужского пола, но даже и из женского, за исключением только маленьких девочек. Вдовы продолжают платить подати, а малолетним мальчикам назначают опекунов, и их кибитки остаются в списках.

— А теперь подобные случаи не повторяются?

— Нет, теперь ничего подобного нет.

— Отчего же произошла эта перемена?

— Теперь лучше оборудована система орошения в оазисе, и предотвращено образование гниющих болот, что так часто случалось раньше.

— Это все уже вами сделано?

— Да, и моего тут капля меду есть, — скромно отозвался Л.

— Ну, уж не скромничай, — перебила его жена, — не капля, а большая часть меду принадлежит тебе. [131]

— Расскажите пожалуйста, как вы это устроили, — попросил я.

— Право, тут не много интересного, — ответил после некоторого колебания пристав. — но если вы так хотите, — извольте, расскажу.

— Видите ли, — продолжал он, — главная причина лихорадок, как вы сами знаете, заключается в гниющей воде. Такой воды в прежние годы было очень много. Стоило ей где-нибудь прососать насыпь арыка (вам, вероятно, приходилось видеть арыки с насыпными стенками?), стоило только прососаться, и через несколько часов она уже неудержимо стремилась целыми реками и заливала все вокруг. Затем начиналось гниение ее и заражение воздуха миазмами. А тут кстати и почва наша — этот плодороднейший лёс — сам начинает разлагаться... Как же при таких условиях не быть малярии? Для устранения подобных явлений нужно было прежде всего укрепить стенки арыков и особенно магистрального, как самого главного, из которого весь оазис, получает свою воду, при помощи второстепенных канав. Задача оказалась довольно серьезной, и над ней пришлось провозиться немалое время. Для выполнения ее пришлось бы затратить тысяч 70-т, а мне удалось обойтись всего лишь с четырьмя тысячами. Но это лишь потому, что рабочая сила была у меня даровая, да и лес тоже я получал даром от строителя Гиндукуштской плотины. Правда, население оазиса жаловалось тогда на тягость работы. Но теперь они сознали свою пользу: прежде в половодье у магистрали «лежало» до 500 человек, следивших за опасными местами и чинивших образовавшиеся прорывы; а теперь для этого требуется лишь несколько караульных. Главная же выгода от этих работ, конечно, та, что лихорадки теперь значительно улеглись, а малярийных эпидемий мы, кажется, можем совсем уж не бояться...

— Но эта же вода, с которой вы боретесь, как с лютым врагом, дарит вас богатейшей растительностью, — сказал я.

— Да, это правда, — ответил пристав. Мне самому с трудом верится, что эти громадные и толстые деревья, которых так много в моем саду, посажены не далее, как 7 — 8 лет тому назад. Ведь вы, наверное, дали бы им больше?

— О, конечно! В России дереву нужно лет двадцать, чтобы достигнуть подобных размеров. [132]

— У меня сад разбит на 10 десятинах, — продолжал пристав, — на этом пространстве можно развести все, что угодно. Значительную часть его я, впрочем, отделил под огороды 8-го Закаспийского стрелкового батальона, для которого недалеко от моего дома выстроили недавно прекрасные казармы.

— Он и теперь стоит здесь? — спросил я.

— Нет, его вывели в Мерв, а казармы оставили пустыми.

— Это почему же?

— Виной все те же лихорадки. Когда строили казармы, — их не приняли в расчет, или, лучше сказать, большинство голосов высказалось за то, что в Иолотани малярии нечего бояться. А когда перевели сюда батальон, — сразу получился большой процент заболеваемости и смертности, и его поспешили увести обратно. С тех пор казармы и стоят пустыми, хотя они обошлись казне около 75 тысяч... Впрочем, по моему мнению, выводить батальон было излишне: давали бы солдатам каждый день утром, во время гимнастики, гран по пять хины и, наверное, все обошлось бы прекрасно...

III.

Султанбенд.

Оросительная система Старого Мерва и ее история. — Разорение Султанбенда бухарцами. — Попытка восстановить Султанбенд и ее неудача. — Причина неудачи и недостатки работ по восстановлению плотины.

Долго еще занимала нас лихорадка, этот местный бич, пока я, видя, что становится уже поздно, не перевел разговора на не менее интересный для меня вопрос — о плотинах. Любезный хозяин отозвался, что он довольно хорошо знаком с этим делом, так как внимательно следил за постройкой оросительной системы.

— Когда задались целью восстановить Султанбендскую плотину, — говорил он, — то работы эти были поручены инженеру. К. П. В нем нельзя, конечно, отрицать таланта, но он, несомненно, выказал себя мечтателем и вместо пользы принес вред...

— Извините меня, — прервал тут я своего хозяина, — не можете ли вы сказать предварительно, что это за Султанбендская [133] плотина и кто её построил? Так много приходится слышать о ней, а истории ее нигде, кажется, не найдешь.

— Точную историю ее установить трудно, — ответил пристав; — сооружена она, несомненно, в давно прошедшие времена и немало перевидала на своем веку. Не раз её разоряли время и вода Мургаба, а иногда прикладывал к этому руку и воинствующий человек. Разорить плотину значило ведь лишить Старый Мерв воды и довести его до последней степени обеднения... Вы были уже в Байрам-Али, на развалинах Старого Мерва?

— Нет еще, но непременно побываю.

— Побывайте, стоит того. Увидите, насколько богат и велик был этот город, а вместе с тем убедитесь, что он мог существовать лишь при существовании Султанбендской плотины, которая перегораживала Мургаб и, при помощи Султан-яба (так назывался главный канал), отводила воду к Мерву. Понятно, поэтому, что история плотины была историей города, и мервцы прилагали все усилия, чтобы поддерживать ее в должном порядке. Тысячи рабочих наблюдали за ее исправностью, а в XVIII веке около нее была устроена крепость, снабженная сильным гарнизоном, на случай посягательств на ее целость. Шедший от нее Султан-яб (Канал этот можно видеть и теперь. По дну его даже идет почтовая дорога к станции Султанбенд (первая за Иолотанью). Это было грандиознейшее сооружение с громадными насыпями по обеим сторонам) разделялся на половине пути на более мелкие каналы, которые шли уже до самого Мерва. Недалеко от города существовал водомер, и особые надзиратели заведывали распределением воды.

— Но почему же плотина называлась Султанбендом?

— «Бенд» значит плотина, а слово «Султан» добавлено, как думают, потому, что живший в XII веке знаменитый султан Санджар, посвятивший чуть не всю свою жизнь на устройство Мерва, усовершенствовал и исправил плотину, сложив её из камней, связанных гидравлической известью.

— Когда же она перестала существовать?

— Точно время я установить не могу, — ответил пристав, — однако, могу сказать, что это событие произошло около 1785 года, т. е. около ста лет тому назад. Разорил её бухарский эмир Шах-Мурад-бий, один из последних и самых злейших врагов Мерва. Он несколько раз подступал к этому городу, чтобы подчинить его себе, но крепкие стены не поддавались его [134] усилиям. Разорив окрестности Мерва, Шах-Мурад возвращался уже в Бухару, как к нему неожиданно прискакал гонец от правителя крепости, оберегавшей плотину, с предложением сдать её эмиру. Правитель задумал измену, потому, что был разгневан на

тогдашнего владельца Мерва, Мегемет-Гуссейн-Хана, из-за женщины. В Мерве проживала в те дни женщина замечательной красоты, в которую правитель крепости был влюблен. Он пригласил её в свой замок и стал устраивать для нее пиры и празднества. Об этом прослышал мервский владетель и послал полицейских агентов, с приказанием увести оттуда, во что бы то ни стало, красавицу. Те доставили красавицу в Мерв, и при этом обошлись крайне грубо с ее покровителем. Покровитель, пылая жаждой мести, послал к Шах-Мураду письмо с предложением сдать крепость. Конечно, эмир с радостью принял это предложение и с 4.000 молодых и быстрых всадников, на четвертый день пути, прибыл к крепости. Правитель сдал ее, и эмир приказал прежде всего уничтожить плотину, а затем срыл и крепость, уведя население ее в Бухару. Мерв, лишенный воды, также должен был сдаться и сильно пострадал. Плотины пытались восстановить потом владельцы Мерва, но задача была не под силу; население города мало-помалу покинуло его, и богатый оазис превратился в бесплодную пустыню...

— Но теперь же вода там будет вновь и старая культура должна возродиться?

— Едва ли она возводится в прежнем блеске, во всяком случае, жизнь должна опять появиться на старом пепелище.

— Если не удалась первая попытка восстановить плотину, то теперь посчастливилось другому инженеру устроить полную оросительную систему и довести воду до Государева имения.

— Отчего же не удалось К. П. восстановить Султанбенд и почему вы назвали его мечтателем?

— Я называл его мечтателем, потому что слишком уж приувеличены были его расчеты. Я должен вдаться в некоторые подробности относительно того, как строят плотины. Воздвигают их, как вам известно, на сухом пути, а потом уже поворачивают к ним реку. Там, где предполагается устроить плотину, вырывают продолговатый канал — будущее русло реки, — или так называемый котлован. Затем перегораживают этот последний одною или несколькими плотинами (в зависимости от плана), [135] а когда они готовы, — засыпают старое русло реки и заставляют воду течь в котлован, к плотинам.

— Конечно, так же поступил и К. П. В котловане он устроил три плотины, из которых верхняя, главная, служила для подъема воды в Мургаб, а две нижние, поменьше, должны были умерять бег и силу падения воды, пропущенной через главную плотину. Кроме этих трех плотин устроена была у входа в оросительный канал, долженствовавший вести воду в Байрам-Али, четвертая — так называемое головное заграждение.

Когда все сооружения были готовы, русло Мургаба перегородили насыпью и заставили его направиться в котлован, через плотины. Сначала все шло прекрасно, но скоро стали замечать, что самая нижняя плотина не выдерживает напора воды, а на третий день она и совсем рухнула. Та же опасность стала грозить второй плотине, так как вода, не ослабляемая в своем падении третьей плотиной, начала сильно размывать дно. Почуввав беду, бросились отводить Мургаб в старое русло, но он не дождался и вырыл себе новое ложе, куда и

устремился с страшной силой, так как воды поднято было за главной плотиной целое озеро, и устроил ужасное наводнение в Мерве и в его окрестностях. Масса глинобитных и сырцовых домов буквально растаяла в образовавшемся озере. Сильно пострадала и железная дорога, затонувшая чуть не на двадцать верст...

— Воображаю положение К. П.

— Да, — отозвался пристав, — ведь это случилось через три дня после освящения законченных работ. И в довершение, к тем дням приглашены были из-за границы два специалиста-гидротехника, француз Готар и англичанин сэр Скот Монкриф. Они осмотрели работы на Султанбенде и, кажется, хотели уже выразить свое одобрение инженеру, но пожелали сначала проехать в имение и дожидаться там появления воды. А тут как раз случилось это несчастье. Конечно, они раскритиковали всю работу и указали на ряд ее недостатков.

— А новый проект устранил эти ошибки?

— Кажется. — Вот поедете, увидите работы и тогда судите сами... [136]

IV.

По плотинам.

Выезд на Гиндукушт. — Культура и воровство. — Змеи. — Главная плотина и ее устройство. — Гиндукушт. — Первая плотина и начало оросительного канала. — Становище рабочих.

На другой день меня разбудили в половине седьмого.

На столе кипел уже самовар, а около крыльца слышалось фыркание лошадей.

— Пристав прислал для вас лошадь и чапара и велел сказать, что не может сам ехать с вами, — заявил староста, разбудивший меня, — дела его задерживают: нужно ехать в какой-то аул. Да вот еще прислал письмо, чтобы вы передали его на Гиндукушт. Там вам все покажут.

Я быстро умылся, напился чаю, затем вскочил в седло и, в сопровождении джигита, порядочно говорившего по-русски, выехал из Иолотани.

Путь наш пролегал по мало интересной местности: кругом тянулись пустынные степи, еще не тронутые никем.

Проехав рысью около получаса и видя впереди все ту же бесконечную голую степь, я спросил джигита, скоро ли будет Гиндукушт?

— Теперь уж близко, — ответил он, — скоро будет плотина на Мургабе.

— А их сколько всех?

— Четыре, — был ответ.

— И все одна близ другой?

— Никак нет. Две первые близко одна к другой, а те далеко отсюда.

— Но как же это так? — продолжал я, — Мургаб так близко, а вот тут пустыня кругом, все голо и безжизненно?

— Воды нет, — флагматически отозвался джигит, — еслиб воду провести, все здесь было бы. А теперь только верблюды пасутся. Вон видите, большое стадо пасется.

Действительно, впереди виднелось большое стадо «кораблей пустыни», столь же обычных, как и лошадь, в Закаспийской области. Паслись они без всякого призора. Мы скоро поравнялись с ними, при чем лошади наши не обратили на них никакого внимания. [137]

— Почему же при них нет пастуха?, — спросился, — разве у вас не бывает краж?

— Бывают, но редко, — отозвался джигит, — раньше совсем не было. Можно было все оставить на дороге, — никто не тронул бы. А как русские пришли, стало хуже: стали воровать.

Я невольно замолчал пред таким тяжелым, но, к сожалению, справедливым обвинением и обратил внимание своего спутника на молодого верблюда, который отделился от стада и, как сумасшедший, вертелся на одном месте, стараясь поднести ко рту одну из задних ног.

— Что такое с ним? — спросил я.

— Должно, змея укусила, — ответил джигит.

— А у вас много змей? Есть и ядовитые?

— Не очень много, но есть такие, что как укусит, так и вылечиться нельзя.

— А смертельные случаи бывают?

— Бывают. Только здесь все знают, что как укусит змея, сейчас надо то место вырезать. Недавно один салыр спал на берегу арыка, и ядовитая змея укусила его в шею. Он тут же вырезал ножом укушенное место, с ладонь величиной. А то верно умер бы. А еще раз один русский был на охоте и встретился с какой-то змеей. Она за что-то рассердилась на него и погналась за ним — насилу убежал. Говорит, что так перепугался, как никогда в жизни...

В это время впереди послышался шум падающей воды.

— Это первая плотина, — сказал джигит.

Я подогнал лошадь и через минуту подъехал к берегу реки.

Направо простиралось огромное водное пространство — целое озеро, прегражденное прямо передо мною плотиной, через верхнее сооружение которой вода с шумом сбегала по уступам в неширокое русло, на котором немного пониже был устроен паром.

— Слезай, бояр, — сказал джигит, — я коня поведу на перевоз.

Я отдал ему лошадь, а сам пошел к плотине, а, подошедши к ней, не мог скрыть своего удивления.

Это было красивое сооружение, представлявшее удивительно резкий контраст с охватившей его со всех сторон голой пустыней, Красиво оно настолько, что могло бы составить украшение любой из европейских столиц.

Над водой возвышалось легкое верхнее сооружение плотины, [138] все состоявшее из железа. Это был ряд железных устоев, имевших форму покоя, поставленного по направлению течения реки. Расходившиеся книзу ноги устоев уходили в воду и там были укреплены в нижнем каменном строении плотины или в упоре ее. А на верхних горизонтальных перекладинах, высившихся сажени на три над уровнем реки, была устроена деревянная настилка, шириной около аршина, ведшая от одного берега к другому. Между устоями образовалось около десятка пролетов, через которые с шумом бежала вода, скатывавшаяся вниз по трем каменным уступам, ослаблявшим падение воды на дно.

И получалось три непрерывных наклонных каскада, пенивших и бурливших, и посылавших вверх облака мелкой и прозрачной пыли, игравшей на солнце всеми цветами радуги...

Оба берега реки были забраны каменными набережными, спускавшимися вниз изящными террасами, соединенными между собой красивыми каменными же лестницами. Эта каменная кладка не уступала по своему изяществу верхнему железному строению и давала понять даже непосвященному глазу, насколько капитально и устойчиво все это сооружение.

Не без некоторого колебания взошел я на помост, снабженный лишь с одной стороны легкими железными перилами. Сажени на три внизу шумел и пенился Мургаб...

Впрочем, неприятное чувство скоро прошло, и я, стоя над серединою реки, всматривался в детали плотины, не без гордости сознавая, что это детище цивилизации принесено в край нами, русскими, и что оно, наравне с железной дорогой, дает туземцам лучшее понятие о превосходстве нашей культуры...

Тут же ко мне подошел русский мужичек, оказавшийся сторожем при плотине.

Я разговорился с ним.

— Теперь вода низко стоит, — сказал он мне между прочим, — ее можно поднять гораздо выше — до самого помоста, на котором вы стоите.

— Как же это делается?

— Вот здесь, между железными фермами, опускаются железные щиты, на цепях. Сначала нижний ряд, потом следующий... С каждым рядом вода поднимается все выше в этой запруде. Теперь опущен один ряд щитов. Если поднять их, то через плотину пойдет гораздо более воды, чем теперь.

— А где же начало оросительного канала? [139]

— Не далеко отсюда. Вот переправят лошадей, так быстро доедете туда.

— А что как у вас лихорадка? — поинтересовался я, — очень мучает?

— Мучает, ничего с нею не поделаешь. Я каждый день принимаю хину; а когда позабудешь, не примешь, — сейчас она и приходит. Совсем измучила.

— А скажи, где теперь находится подрядчик по земляным работам?

— Должно, на «данбах». Там ниже «данбы» делают, а уже все работы кончены.

— А где инженеры жили, когда строили эту плотину?

— Не далеко отсюда несколько домиков есть, — Гиндукушт называется. Там и жили они.

Я простоял еще несколько минут на помосте, любясь переливами света водяной пыли и следя за рыбой, выскакивавшей из каскадов и бросавшейся в перепуге не по течению, в Мургаб, а назад, на устои плотины.

Но вот переправили лошадей, и я велел джигиту ехать на Гиндукушт, где жили инженеры во время работ.

Какими жалкими казались эти несколько мизерных домиков, без всяких признаков растительности кругом, в сравнении с только что оставленной мною плотинной.

Собака с лаем бросилась к нам навстречу, а на лай ее вышел мужичек, то же, очевидно, сторож, заявивший на мой вопрос, что подрядчика тут нет, и он должен быть на «данбах».

— Ну, поезжай теперь к плотине, которая у начала оросительного канала, — сказал я джигиту.

Плотина эта оказалась, действительно, очень не далеко от главной. И она была той же капитальной работы, только значительно меньших размеров и не отличалась легкостью и изяществом главной плотины. Тут был один лишь пролет, закрывавшийся также щитами, но не легкими, железными, как там, а тяжелыми и толстыми, сбитыми из деревянных досок. Массивность их подчеркивалась уже одним тем фактом, что они спускались вниз не на руках, а при помощи ворота, который был устроен над плотиной.

Навстречу мне вышел сторож, палатка которого стояла около самой плотины. [140]

— Это начало канала, идущего в Байрам-Али? — спросил я его.

— Так точно, — ответил он, — здесь, в запруде, собирается вода. А когда нужно, мы ее пускаем в этот канал, сколько потребуется.

«Запруда» была то самое озеро, которое я видел сзади главной плотины. Канал же, начинавшийся у «головного заграждения», на котором я теперь находился, уходил влево прямой линией меж двух отвесных земляных стен, отстоявших сажени на две друг от друга и высоко поднимавшихся над уровнем воды. В некоторых местах стены из отвесных превратились в наклонные и дали большие осыпи.

— Этот канал, сообщил мне сторож, водой прорывали. Сначала маленькую канавку сделали и пустили в нее воду. А она вот и промыла такую ширину!..

— Да видно и теперь продолжает промывать?

— Теперь уж не так, как раньше. А все-таки нет, нет, да и осыпется земля где-нибудь. Намедни чуть было двух рабочих не задавило...

— А где другие плотины? — спросил я.

— Вы главную, большую уж видели?

— Да, видел.

— Так еще две осталось, кроме этой. Обе они по этому каналу расположены. Эту плотину первой зовут; потом будет вторая — верст на 7 пониже, а потом еще верст через 7 — третья. А от третьей уж канал пойдет до самого имения верст на 35-ть.

— Верхом везде проехать можно?

— Верхом везде хорошо. Можно даже в тележке, — только дорога плохая, тряская. А все ездят из имения.

Я поехал.

И снова потянулись неприглядные картины обычной в Закаспийской области голой и безлюдной степи. Только кое-где однообразие ее нарушалось песчаными буграми, да временами попадались наезженные дороги, покрытые толстым слоем мельчайшей лесовой пыли, которую встречный ветер гнал нам прямо в лицо.

Через полчаса быстрой езды начали попадаться отдельные пешеходы-туземцы, сменяемые временами другими халатниками, двигавшимися на двухколесных арбах-тачках об одну лошадь. А еще подалее встретилось несколько жалких [141]

землянок с двумя-тремя хворостяными шалашами близ них. В этих последних видимо продавались кое-какие предметы первой необходимости, вроде хлеба, арбузов, дынь, сахару и чаю.

— Зачем здесь эти землянки? — спросил я джигита.

— Тут поблизости работы идут, дамбу оканчивают, — ответил он, — в землянках рабочие живут.

— Так, может, подрядчик здесь теперь? Поезжай и спроси.

Джигит подъехал к одному из шалашей и вступил в разговор с важно сидевшим в нем и смотревшим на меня туземцем. Вернувшись же, сказал, что нужно еще дальше ехать — туда, где делают новую дамбу.

Через 1/4 часа мы были около этой последней.

Здесь было уже значительно больше землянок и шалашей, и в последних продавались более разнообразные продукты. По всем направлениям, среди духоты и пыли, двигались людские фигуры то в туземных, то в русских костюмах.

Через какого-то туземца с обычной у туркмен коротенькой и жидкой бороденкой, мы узнали, что подрядчик находится в одной из землянок. И действительно, у входа в эту последнюю я увидел господина небольшого роста с интеллигентной физиономией и французской бородкой, одетого в чисучевый пиджак, с панталонами, забранными в высокие сапоги, и с английской шляпой-котелком на голове.

Это и был подрядчик N., к которому я имел письмо от пристава.

V.

Гиндукуштская система.

Значение всех плотин и водохранилищ. — Работы на дамбах. — Состав рабочих и лень текинцев. — Инженер А. — Жатва лихорадки — Вторая плотина. В становище рабочих. — “Палаццо” подрядчика — Возвращение в Иолотань.

— Скажите, какие теперь идут у вас работы? — спросил я нового своего проводника, когда мы поехали рядом и я сообщил ему о желании своем посмотреть, что уже сделано по устройству плотин и что еще осталось сделать.

— Теперь работы уже не сложные, — ответил K. — одни лишь земляные остались. Все важные уже закончены, и оросительная система готова на всем протяжении. [142]

— Не откажите объяснить, хотя бы вкратце, какие важнейшие части этой оросительной системы. Я видел две плотины — на Мургабе и у входа в канал. Еще, говорят, есть две.

— Есть, — ответил N. — Это так называемые «вторая» и «третья» плотина. Собранный главной плотиной запас воды идет уже через всю оросительную систему и через остальные плотины в Байрам-Али. Первая, которую вы только что видели, впускает нужное количество воды в канал. Этот первый канал не велик. Он ведет воду из запруды в большую котловину, образовавшуюся из старых разливов Мургаба и называемую «первым тугаем». Из этого тугая новый канал ведет во вторую такую же котловину или во «второй тугай», в нижнем конце которого стоит «вторая плотина», совершенно тождественная по устройству с первой, как вы

сами убедитесь в этом. Эта плотина регулирует пропуск воды в лежащий ниже «Гиндукуштский овраг», составляющий русло одного из каналов, ведущих воду от Султанбенда в древний Мерв. Овраг, в свою очередь, запирается «третьей плотиной», — такой же, как и первые две. Назначение этой последней плотины — пропускать воду в так называемый магистральный канал, который непрерывно уже ведет воду в Байрам-Али, в Государево имение. Длина этого канала около 35 верст.

— Мне кажется, — сказал я, — что без двух нижних, т. е. «второй» и «третьей», можно бы свободно обойтись, оставив лишь одну «первую»?

— Каждая плотина собирает за собой запас воды. Чем больше их, тем больше самых водохранилищ, и тем выше уровень воды в нижних частях системы. То же самое с тугаями и оврагами. В них собирается и задерживается ненужная в настоящую минуту вода, которой особенно много бывает в весеннее половодье, а также между ноябрем и мартом, когда у туземцев прекращаются работы и поля не нуждаются в поливке. Тогда большую часть воды Мургаба пускают в тугаи и овраг.

— Дамбы отгораживают тугаи со стороны Мургаба. Представьте, что из какого-нибудь тугая вода найдет себе проход в реку, — тогда, конечно, и помину не останется от всех этих работ — все пропадет. Вот эта-то опасность и устраняется дамбами. А теперь посмотрите сюда, направо. Тут перед вами все работы по устройству дамб.

Я повернул лошадь вправо и через минуту очутился около [143] длинной и высокой насыпи, на которой, на подобие муравьев, кишело несколько сот рабочих. Кто вез землю на двухколесной арбе, кто насыпал ее на верхнюю площадь дамбы, кто утрамбовывал. Вдали работал насос, поливавший насыпь обильной струей воды.

Шум и гам стояли в воздухе, а пыль и песок, вздымаемые ветром, окутывали туманом всю местность и слепили глаза.

— Из кого, главным образом, состоит контингент ваших рабочих? — спросил я своего спутника.

— Преимущественно из туземцев, — ответил тот: — из текинцев, бухарских сартов или кульджинских таранчинцев.

— А русские есть?

— Есть и русские, но их мало, и они большею частью исполняют обязанности присмотрщиков и десятников.

— А как работают туземцы?

— Сарты и таранчинцы хорошо, особенно последние. Текинцы же страшно ленивы: чуть вы отвернулись от них, — они бросают лопату и складывают руки. Да и нанимаются они неохотно: если имеют чем прожить сегодняшний день, ни за что не пойдут работать. Да вот вам пример. — Не далее, как вчера, еду я из Иолотани и встречаю на дороге текинца,двигающегося куда-то на арбе. «Ты куда?» — спрашиваю. — «В Иолотань». — «Зачем?» — «Назу купить». — Это, видите ли, такая жвачка у них, без которой они будто бы дня не могут прожить. — «Дурак ты», — говорю ему, — «поезжай ко мне на работу: 1 р. 20 коп. дам в день, да и за назом пошлю завтра в Иолотань». Согласился, повернул за мною. Но только часа через три опять встречаю его — едет опять куда-то на своей арбе. «Ты куда?» — «В Иолотань, назу купить». — «Да ведь ты же согласился работать. Я же тебе хорошие деньги даю». — «Нет», — говорит, — «не хочу — поеду наз покупать».

— Так и уехал? — спросил я, смеясь.

— Так и уехал. И назу-то ему надо было на 2 коп. купить, а тут отказался от хорошего заработка. Что поделаешь! Потребностей на грош и цены деньгам еще не знают.

— Ужасные лентяи, — продолжал он, после некоторой паузы, — а тут еще, как на грех, казенные работы кое-где идут. Там, правда, меньше платят, но зато не так строго следят за работой. Вот эти господа поработают у меня день-два, да и уезжают на казенную работу, а затем через короткое [144] время вновь нанимаются ко мне... Очень здесь трудно на этот счет. А работы-то срочные.

Тут я сделал было попытку взобраться на верх насыпи, но там стояла такая пыль, что я поспешил вернуться вниз.

— Не нравится? — сказал N., — догоняя меня, — а нам так приходится зачастую целые дни проводить среди такой пыли! Да это еще с пол-горя! Гораздо хуже, как лихорадка начнет донимать, а спрятаться-то можно только в сырую, скверную землянку, в которой лихорадка еще хуже треплет.

— Да, условия жизни далеко не из райских. Но ведь при таких условиях жили здесь и инженеры, когда строили плотины?

— Да, почти при таких же, — ответил N. — строитель Гиндукуштской системы, инженер, жестоко здесь заболел. Он провозился тут около четырех лет.

— Отчего же так долго?

— Целый год он посвятил на одни лишь изыскания и только к лету 1892 года мог представить планы проектированных им 5 водохранилищ. Департамент уделов избрал из них Гиндукуштское. К работам он приступил весной 1893 года и употребил на них два года. К весне нынешнего года все работы уже были закончены и в ночь на 23 апреля, т. е. под тезоименитство Государыни Императрицы Александры Феодоровны, вода дошла по магистралу до имения. Таким образом и получается 4-х-годичное пребывание в этих ужасных местах. За это время можно заболеть. Лихорадка здесь не щадила никого. Люди в два, три дня обращались в скелеты и умирали от истощения сил или от паралича сердца. Ужасная была жатва смерти! Около Иолотани образовалось целое кладбище из одних лишь христиан. А сколько погибло туземцев-мусульман — и счету нет!..

Под этот грустный разговор мы далеко отъехали от дамбы и двигались голой степью. Солнце начинало печь немилосердно, но так как мы находились уже сравнительно недалеко от второй плотины, то и не отказались от намерения посетить ее, хотя, по заверению N., ничего любопытного там и не было: точное воспроизведение первой плотины.

И, действительно, добравшись до цели, я увидел точно такую же щитовую плотину с воротом наверху. Направо от нее простиралось большое водное пространство — второй тугай, а налево шел канал, проводивший воду в Гиндукуштский овраг. [145]

Около плотины оказался небольшой домик, в котором жили инженеры во время постройки плотины. Теперь же его занимает сторож, который, завидев нас, вышел навстречу и пригласил к себе отдохнуть и закусить, чем Бог послал. Но мы отказались от закуски и, выпив по стакану отварной воды и отдохнув минут 10, пустились в обратный путь, под палящими лучами солнца, поднимавшими температуру до 50 град., по Реомюру!..

Закаспийская область — одно из наиболее жарких мест на земном шаре. Летом температура достигает там до 55-60 град. Р. (Зимой, в декабре и январе, жара доходит иногда до 30-35° Р), а бывают дни, когда листва на деревьях, обожженная как бы пламенем, свертывается и пропадает. В особенно неблагоприятных условиях в этом отношении находится столица области — Асхабад.

Несмотря на жару, мы понеслись вскачь и через полчаса уже подъехали к главному становищу рабочих, где жил и сам N. Он любезно пригласил меня зайти в его « хоромы» выпить стакан лимонаду.

В это же время ударил полуденный колокол, и рабочие повалили с дамбы на двух-часовой отдых.

Скоро все становище закипело народом. Кто шел к продавцам разной снеди и брал у них на несколько копеек лапши или шашлыку, кто направлялся к канавам и, припав губами, втягивал с жадностью грязную и мутную влагу, не обращая внимания на плещущихся тут же лошадей и эшаковыи плывущие мимо отбросы.

— Удивительно нечистоплотный и нетребовательный народ! — сказал я.

— Да, в этом отношении трудно за ними угнаться, — ответил N., — обыкновенная пища туркмена — кусок чурека и чашка грязной воды. Летом они прибавляют дыню, а здесь, на работах, иные гастрономы балуют себя иногда лапшей и шашлыком. Но одно из любимых ими кушаний — это мясо издохшего верблюда. Однако, пойдите ко мне.

Мы поднялись на бугорок, возвышавшийся над остальным становищем. Он жил в землянке без окон и дверей, с неровными стенами, по которым ползли мокрицы и кое-где блистали пятна сырости, с земляной же крышей, подпертой неровными балками, и таким же полом. В глубине стоял [146] небольшой стол, и около него два-три венских стула. Воздух был пропитан затхлостью и сыростью.

— Это моя контора, — сказал K, приглашая меня сесть и убирая со стола две-три книги и счета, — здесь я отдыхаю от жары, здесь же произвожу расчеты с рабочими.

— Но вы, конечно, не спите здесь? — спросил я, — ведь тут так сыро, что в несколько дней можно схватить жесточайший ревматизм.

— Конечно, нет. Я сплю в этом проходе, перед землянкой. Хотя там стены тоже земляные, но крышей служит свод небесный и воздух не застаивается. Там же со мною спят и главные мои сотрудники. А что касается ревматизма, то я уже давно приобрел его и думаю, по окончании работ, ехать лечиться на какие-нибудь серные воды.

Тут нам принесли несколько бутылок пива и лимонаду и кусок льду на тарелке. Удивительно приятно было выпить холодного лимонаду после долгого переезда под палящими лучами солнца!

Но в сущности, конечно, это был крайне рискованный поступок с моей стороны, и мне пришлось скоро раскаться в нем: недели через полторы после поездки у меня появилась настоящая болотная лихорадка с обмороками и сильным истощением организма. С великим трудом отделался я от нее. N., между прочим, сообщил мне, что название Гиндукушт произошло оттого, что, по преданию, в этих местах когда-то был уничтожен разбойниками караван индейцев.

Поблагодарив N. за любезность, я простился с ним и тем же путем, вместе с своим джигитом, поскакал обратно в Иолотань.

На дороге я, однако, приостановился на минуту на главной плотине, заинтересовавшись оригинальной ловлей рыбы. На главной плотине вода падает несколькими каскадами по каменным уступам. Вместе с нею падает и мелкая рыба, которая, конечно, совершенно теряется в этих водопадах и, обезумев от страха, высоко выскакивает из бурлящих каскадов и бросается не вперед, а назад, т. е. опять таки на те же уступы. Изучившие же это движение сторожа подставляют сверху сетки, в которые и попадает растерявшаяся рыба.

Через какие-нибудь 5-10 минут у каждого из них было по ведру мелкой рыбы. В этот же день, около 10 часов вечера, я был уже в Мерве.

А. Андреев.

(Окончание в след. №)

НА РАЗВАЛИНАХ ДРЕВНЕГО МЕРВА

(Из путевых записок).

(См. "Русский Вестник" сентябрь 1896 г.)

VI.

В Мургабском имении.

Поездка в имение. — Любезная встреча. — История имения и плотин. — Неудача К. П. — Настоящее и будущее имения. — Немец-чародей. — Чудная ночь.

Прошло несколько месяцев после описанной поездки по плотинам прежде, чем я собрался съездить в Мургабское имение. Да и не хотелось ехать одному — тем более, что я еще не был знаком с управляющим имением.

Но постепенно устранились и эти препятствия, подобралась весьма приятная компания, в состав которой вошли одна молодая дама и барышня, и день отъезда был назначен.

От Мерва до Байрам-Али, — той станции, около которой лежит Мургабское имение, — всего 25 верст. Но росписание Закаспийской военной железной дороги составлено незадачно для поездок на этом протяжении: все пассажирские асхабадские поезда проходят через Мерв ночью, между часом и четырьмя.

В виду этого мы решили ехать с «водянкой» — оригинальным поездом, подобного которому не существует, конечно, нигде более на всем протяжении Российской империи. Нигде, кроме Закаспийской области, не приходится развозить в чанах по линии воду, как для надобностей самой железной дороги, так и для служащих на безводных, в полном смысле [36]

1

слова, станциях. А таких станций по Закаспийской дороге чуть не две трети.

«Водянка» отходила из Мерва около 8 часов вечера, и вся наша компания к этому времени собралась на дебаркадере Мервского вокзала — каменного здания.

К поезду, по обыкновению, был прицеплен один вагон третьего класса, в который мы и сели.

Ударил третий звонок, раздались свистки, и поезд, гремя цепями, проехал по мосту над Мургабом, оставляя за собой полусонный Мерв с мерцающими по улицам фонарями.

Часовой переезд был сделан незаметно, и мы удивились, когда раздались новые свистки, возвещавшие близость Байрам-Али.

В Мургабское имение мы поехали в этот раз по широкой дороге-аллее, с молодыми еще сравнительно деревьями по обеим сторонам. Наш экипаж остановился у большого каменного здания, красивой и оригинальной архитектуры, в котором жил управляющий имением, полковник Z. Другой дом, такой же архитектуры, но несколько меньших размеров, занимал переводчик имения, поручик X., холостой человек, принимающий всегда самое горячее участие в приеме гостей, приезжающих не редко к ним. Гостеприимство и сердечное радушие администрации Государева имения хорошо известны в Закаспийской области.

В большой столовой, убранной по стенам китайской и японской посудой и ярко освещенной лампами и канделябрами, на длинном столе кипел самовар... Хозяин пригласил нас выпить по стакану чаю, а прибывшую с нами даму попросил занять место хозяйки, так как его супруга была в отъезде.

За чаем и за последовавшим потом ужином с чарджуйскими дынями, у нас завязался разговор об имении, его истории и его будущем.

Тут мне пришлось опять вести разговор об известном уже читателю инженере и о его работах по восстановлению Султанбенда. Хозяева наши оказались его защитниками.

— Он долго жил в Туркестане, — рассказывали они, — и там осуществил много дел в области ирригации безводных пустынь. Ему же обязано существованием и Мургабское имение.

— Когда же и как оно возникло?

— В 1886 году, когда уже через Мерв была проведена [37] железная дорога, на Мургабе случился прорыв плотины Коушут-хан-бэнд, орошающей Мервский оазис, а за прорывом случилось наводнение, разрушившее на большом протяжении железную дорогу. К. П. заинтересовался этим событием, изъездил чуть не всю долину Мургаба и затем подал проект об ограждении впредь железной дороги от наводнений путем восстановления Султанбендской плотины, при чем указывал на возможность орошения площади Старого Мерва. Военное ведомство выдало ему для изысканий 10 тысяч, и тогда он окончательно разработал свой проект. Но в министерстве не оказалось нужных средств для осуществления его замыслов, и тогда он решил обратиться в удельное ведомство. Там вняли его настойчивым и убедительным доводам, и 6 августа 1886 года воспоследовал Высочайший указ о создании Мургабского Государева имения. К. П. одновременно приступил к постройке этих домов, в которых мы живем, и самой оросительной системы. Последнюю, к несчастью, постигло фиаско, а дома-дворцы остались. Благодаря им уцелело и имение, которое хотели бросить после этой неудачи.

— Но велика ли вся площадь имения?

— Очень велика, — ответил Х. — около 104 тысяч десятин, т. е. около 1000 квадратных верст.

— Это целое германское государство!

— Да! И при том, с удивительной почвой, способной взрастить все, что угодно до самых нежных фруктов. Была бы только вода.

— Вы надеетесь когда-нибудь оросить всю площадь?

— Мы никогда не заходили так далеко, даже в самых пылких мечтаниях. Для этого не хватило бы воды в Мургабе, или, по крайней мере, пришлось бы совершенно обездолить все туземное население Пендинского, Иолотанского и Мервского оазисов. Мы решили брать лишь остатки воды, лишь то, что не нужно аборигенам края. Гиндукуштская система может собрать часть таких излишков; Султанбендская помогла бы ей, а при содействии их обеих мы имели бы достаточно влаги для орошения 8—10.000 десятин. Но это уже maximum. Далее идти нельзя: воды не хватит.

— А, пожалуй, что и можно бы, — вмешался один из моих спутников.

— Каким образом? — заинтересовался Х.

— Да ведь у вас масса воды пропадает даром, путем [38] испарения и всасывания в почву. Если же устроить закрытые водохранилища и вести из них воду по трубам, вместо каналов, то вы сэкономили бы влагу не для одной тысячи десятин..

— Это верно, — улыбаясь, ответил Х. — но только на это понадобились бы огромные деньги. Имение и теперь уже стоит удельному ведомству более трех миллионов.

— Однако! Какие же доходы нужны, чтобы окупить эти изумительные затраты?

— По крайней мере около 300.000 в год.

— И вы надеетесь достигнуть этой цифры?

— Вполне и даже без особого напряжения. Одну тысячу десятин мы думаем пустить под виноград, из которого будем выделывать вино. Десятина виноградника дает урожай в 400-500 пудов винограда, из которого выходит не менее 300 ведер вина. Вино, по самой умеренной цене, стоит 2 рубля ведро. Следовательно, 1000 десятин даст валового дохода, скромным расчетом, 600 тысяч рублей, а чистого не менее 400 тысяч.

— Но годится ли для этого здешний виноград?

— Виноград здесь великолепный, нежный, сочный и душистый. Вино будет выходить прекрасное. В этом нас поддержал недавно немецкий винодел, тонкий специалист по своей части.

— Вы расскажите им, — вмешался тут переводчик имения поручик Х. — какие чудеса проделывал этот господин на ваших глазах.

— Да, — отозвался управляющий, — это просто маг и чародей. Представьте, он по одному вкусу безошибочно определял химический состав вина. Я поражаюсь этой необычайной способностью!.. Но только он был слишком требователен относительно обстановки своих опытов. Прежде всего уверял, что может делать их только после обеда и обязательно при искусственном освещении. Один раз кто-то, в другом отделении погреба, закурил папиросу. Немец заволновался и заявил, что он слышит запах табаку и не может продолжать опыта. Но зато точность его заявлений была выше всякой критики. Один раз он, например, заявил, что вино вышло хуже, чем могло бы быть, и произошло это оттого, что виноград сняли за 8 дней до его полной готовности. И это оказалось совершеннейшей правдой. По его же заверению, вино имеет один вкус, если его пить из тонкого стакана, и другой, если — [39] из толстого. Он говорил вообще, что в Туркестане и Закаспийской области есть такие сорта винограда, о которых не имеют понятия в Европе и из которых можно выделять невиданные еще вина и коньяки. Мы будем сажать по преимуществу европейские лозы. Нам шлют их из Крыма и из удельного имения Абрау. Но, конечно, испытаем и местные лозы.

— Под виноград вы отводите тысячу десятин. Что же вы будете делать с другою?

— На другой разведем рощи фруктовых деревьев, персиков, миндаля, французского чернослива, орехов и т. д.

— И будете вывозить их свежими?

— О, нет, они не выдержат перевозки. Мы будем сушить их и особенное внимание хотим обратить на французский чернослив. Если удадутся эти проекты, — имение будет золотым дном. Особенно, если Султанбэнд будет восстановлен и вода пройдет по 10 тысячам десятин. Это еще дело будущего. А пока дай Бог справиться и с имеющимися двумя тысячами десятин, которые, кстати сказать, далеко не вполне орошены.

Ужин кончился. Общество, поблагодарив хозяина, высыпало на балкон, чтобы подышать свежим воздухом. Ночь стояла чудная, несмотря на сравнительно позднее время года. Полная луна обливала мягким серебристым светом дома и купы деревьев и придавала всему какой-то таинственный оттенок. Значительно

посвеживший, сравнительно с днем, но все еще теплый воздух ласкал, как бархат, лицо и целебной струей вливался в грудь. Тишина стояла полная, и лишь изредка легкий ветерок шелестил в листве деревьев.

— Как хорошо! — сказала томным голосом одна из наших спутниц, — что за чудная ночь!

Мы всем обществом двинулись к широким аллеям, обсаженным разнообразными деревьями, успевшими пышно разрастись за 7, 8 лет существования имения.

Разговор сначала не шел, так как каждый безмолвно наслаждался великолепной ночью. Но затем речь вновь зашла об имении и о планах будущего. Хозяин показывал нам тщательно содержимые питомники, из которых весной предстояло пересаживать молодые деревца на новые, предназначенные им места. [40]

VII.

Последние годы Старого Мерва.

Рабочие и администрация имения. — Книга Мир-Абдул-Керима Бухарского. — Байрам-Али-Хан и его трагическая смерть. — Победа бухарцев и присоединение Мерва к Бухаре.

На другой день я проснулся довольно рано. Мои спутники еще спали, и только переводчик имения, поручик Х., приступил уже к дневным занятиям.

Перед домом стояла толпа рабочих, от которых он принимал жалобы и тут же разбирал их. Было также несколько человек просителей, желавших получить в имении землю в аренду.

— Какую это землю вы отдаете в аренду? — спросил я.

— В ближайшем будущем, — ответил Х., — мы возьмем для нужд имения лишь одну тысячу десятин из числа орошенных Гиндукуштской системой. Вторая же тысяча останется пока пустой. Вот ее-то мы и раздаем туземцам в аренду на годичный срок, из четверти урожая.

— И охотно берут?

— Желающих гораздо больше, чем требуется. Понятно: земля прекрасная и сто лет уже пустовавшая.

— И все здешние туркмены?

— Да, главным образом мервские текинцы. Но много есть таранчинцев из Кульджи, сартов из Бухары и т. д.

— А ваши рабочие тоже из туземцев?

— Да. Теперь до 800 человек занято. Каждый получает 50 коп. в день и имеет от нас квартиру, отопление и освещение. Но пища своя. Управляющему, мне, штатному доктору и инженеру, — должность которого лишь временная до окончания ирригаций имения, — отведены под квартиры особые дома, — как вы видите, прекрасно и удобно устроенные.

В это время доложили, что между несколькими рабочими и десятником вышло в конторе препирательство из-за неправильных отметок в рабочем журнале и неверного расчета платы. Уходя разбирать их, Х. дал мне интересную книгу, познакомившую меня с последними годами существования Старого Мерва.

Ее заглавие было следующее: «Histoire de l'Asie centrale [41] (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) par Mir Abdoul-Kerim Boukhary, traduite par Schefer. Paris, 1876».

В ней я нашел ряд интересных данных относительно Старого Мерва, которые и предлагаю здесь в выдержке.

Одним из последних владельцев Старого Мерва был Байрам-Али-Хан, происходивший по отцу из племени Каджаров (К этому племени принадлежит царствующая ныне в Персии династия), а по матери — из туркмен-салыров.

Это был витязь в полном смысле слова.

Автор цитируемой книги, современник Байрам-Али-Хана и ярый суннит, преклоняется перед ним, несмотря на его шиитское исповедание (До событий, о которых пойдет далее речь, Мерв принадлежал Персии. Персиане же, как известно, шииты, тогда как бухарцы, туркмены, авганцы, турки — сунниты. Оба толка взаимно ненавидят друг друга). Никогда, говорит он, не рождался среди персов подобный герой.

Около трех лет Байрам-Али-Хан мирно правил Мервом и жил в согласии с соседями. Но около 1785 года нашей эры в Бухаре умер эмир Даниал-Би, любивший правителя Мерва, как своего родного сына. На престол вступил сын Даниала, Шах-Мурад, ревностный суннит, поставивший целью своей жизни распространение истинной веры (т. е. суннитского толка) и истребление неверных. И прежде всего он обратил свое оружие против шиитского Мерва.

Напрасно Байрам-Али-Хан, узнав о смерти Даниал-Би, послал в Бухару своих лучших офицеров с богатыми подарками и письмом, в котором выражал свое сердечное соболезнование; напрасно велел он читать в Мерве Коран для спасения души умершего и раздавать даром воду и съестные припасы. Шах-Мурад стойко преследовал свои планы и весьма скоро открыл враждебные действия против Мерва.

В 1200 году Гиджры (1785 г. нашей эры) новый эмир отправил отряд туркмен и 2.000 узбекских всадников с приказанием разорить окрестности Мерва. Байрам-Али-Хан вышел навстречу врагам и, как волк, напавший на стадо овец, убивал и уничтожал туркмен и узбеков.

Тогда Шах-Мурад прибег к хитрости.

Он придвинул к Чарджую (На Аму-Дарье. Ныне — первая станция Закаспийской ж. д. в пределах Бухары) 6-ти-тысячную конную армию [42] и потом, как-будто не решаясь перейти границу, вернулся обратно в свою столицу. Шпионы Байрам-Али-Хана известили его об этом, и он перестал принимать военные предосторожности.

А эмир между тем пробыл в своем дворце лишь на публичных молитвах, затем скрытно отправился в Чарджуй, откуда в одну ночь прошел форсированным маршем через песчаные пустыни и очутился под стенами Мерва. Тут он спрятал в засаде 4 тысячи всадников, а остальным приказал заняться фуражировкой.

Слухи об этом дошли в полночь до Байрам-Али-Хана, и он тотчас же выехал из города, чтобы отрезать фуражирам путь в Бухару и истребить их. Не послушал он и увещаний своей матери, которая умоляла его не выезжать до восхода солнца, так как во сне она видела дурные предзнаменования.

Разделив свой отряд на две части, хан с 550 всадниками наткнулся под утро на мародеров и истребил их. Но при этом в руки всадников попался зять Шах-Мурада, Кара-Ходжа. Он потребовал, чтобы его провели к самому хану, и сказал ему:

— Я одно из важнейших лиц в Бухаре. Я — зять Шах-Мурада. Поэтому вы должны верить моим словам.

— Не ходите вперед, — сказал Кара-Ходжа, — Шах-Мурад расположился в засаде с 6.000 всадников, у вас же очень мало войска. А Аллаху не угодно, чтобы вы были жертвой коварства. Я ваш пленник и даю вам доказательство своего доброго расположения.

Но не помогли мольбы бедняка: «проклятый, неверный шиит» не хотел слушать его.

— Ты лжешь! — крикнул он, — Шах-Мурад в Бухаре и сюда не приходил.

И одним взмахом сабли он отрубил голову Ходжи, который был принят Аллахом в число мучеников.

Но возмездие было уже близко.

Преследуя беглецов, Байрам-Али-Хан наткнулся на 6 тугов бухарских всадников (Турецкое слово туг означает хвост яка или лошади, заменяющий знамя у большинства народов центральной Азии. В Бухаре туг отвечал 1.000 человек), которые окружили его небольшой отряд и убили его самого. [43]

Один из авганских военачальников отрезал хану голову, а эмир отправил ее в Бухару, где она была выставлена в течение недели на лобном месте.

Поэт сказал по этому поводу следующий стих:

“Голова Байрам-Али-Хана стала серьгой виселицы?.

Труп хана отдали его матери.

Окрестности Мерва были жестоко опустошены, и головы всадников-шиитов были сложены целой грудой, у подножие виселицы.

Заклучив «призрачный» мир, Шах-Мурад вернулся в Бухару...

У Байрам-Али-Хана было три сына: старший Ходжа-Мегемед-Гуссейн был Платоном своего века и славился своей мудростью и знаниями. Он жил в Мешед (Главный город Хорасана — лучшей персидской провинции), почему власть в Мерве перешла к его следующему брату, Мегемед-Керим-Хану.

При этом последнем случилось между прочим следующее происшествие.

Семь важнейших обитателей Мерва были взяты в плен и отведены в Бухару. Там, по настоянию Шах-Мурада, они стали суннитами и убедили эмира отправить их обратно в Мерв, обещая склонить Мегемед-Керим-Хана сдать город бухарцам.

— Тогда мы будем повиноваться вам, — говорили они, — и станем вашими подданными.

Шах-Мурад велел дать им пышные одежды и отпустил их в Мерв.

Прибыв в родной город, они собрали родных и близких, и сказали им:

— Хотя мы имеем возможность сопротивляться узбекским солдатам, но лучше будет, если мы подчинимся Бухаре и тем отвратим от наших детей и от страны грозящие им беды. Мы сами бессильны, помощи ждать не откуда. У нас нет денег, и нам не на что рассчитывать.

Обитатели города, видимо, склонялись на их сторону, так как более всего хотели мира.

Но ближайший советник правителя, Мегемед-Кули-Хан, сказал своему повелителю: [44]

— Эти семь вельмож были в плену в Бухаре. Боязнь лишиться жизни принудила их принять суннитство и, став сами слугами Шах-Мурада, они склоняют теперь к тому же весь народ. Лучше отделаться от них и устранить таким образом причину смут и волнений.

Керим-Хан принял этот вероломный совет.

Однажды всех семерых вельмож пригласили во дворец, якобы для совещаний по поводу последних дел.

Когда же они прибыли и высказали свои мнения, хан, под каким-то предлогом, вышел из залы, куда вторглись вооруженные люди, в одну минуту убившие их всех. Дома же их были преданы разграблению.

Но спустя некоторое время, мервские жители прогнали от себя Керим-Хана и пригласили из Мешед-а его старшего брата, Хаджи-Мегемед-Гуссейна.

Этот последний, возмущенный убийством семерых добродетельных вельмож, приказал забить палками Мегемеда-Кули-Хана, по проискам которого они погибли. Но в то же время он послал к авганскому шаху Тимуру просить помощи против Бухары, так как Шах-Мурад двинул вновь свои войска к Мерву, но, не будучи в состоянии взять сильно укрепленный город, ограничился разрушением плотины, благодаря известной уже читателю измене правителя замка, оберегавшего ее.

Тимур-Шах прислал 5.000 всадников, под начальством Лешкери-Хана-Бердурани и тем замедлил окончательное падение Мерва.

Но скоро между владельцем Мерва и начальником авганского отряда произошла ссора по следующей причине.

У Лешкери-Хана был сын Ханджер-Хан. Он влюбился в сестру Хаджи-Мегемед-Гуссейн-Хана, которая отвечала ему тем же. Но когда владелец Мерва узнал об этом, — он воспылал сильным гневом и, застав однажды ночью Ханджер-Хана на месте преступления, так сильно ударил молодого человека, равного Иосифу по своей красоте, что он умер, вернувшись в дом своего отца.

Хаджи-Мегемед-Гуссейн-Хан, видимо, не ожидал такого печального исхода, но, узнав о нем, приказал также убить и свою сестру.

Подобная жестокость возмутила Лешкери-Хана, и он, отвергнув все мольбы, ушел в Герат, взяв с собою около 2.000 мервских семейств, не пожелавших оставаться на месте. [45]

Положение Мерва стало отчаянным, и оставалось только подчиниться Бухаре, что и было сделано.

Шах-Мурад прислал свои войска и своих правителей, а жителей Мерва постепенно переселил в Бухару.

Так пал славный Мерв-Шахиджан (царская душа)!

VIII.

По развалинам.

План развалин. — Байрам-Али-Хан-Кала. — Абдула-Хана, развалины и история ее. — Могилы двух сподвижников Магомета. — Встреча с змеей.

Когда я закончил просмотр книги, данной мне моим хозяином, было уже около 10 часов утра.

Спутники мои все уже встали, и мы согласились воспользоваться утренними часами для поездки на развалины Старого Мерва.

Я сел вместе с поручиком в легкую двухместную тележку, и мы двинулись вперед, как бы открывая путь более тяжелым экипажам.

Лихия лошади подхватили с места, и через минуту, пересекши полотно железной дороги, мы увидели перед собой длинные и высокие стены, сложенные из сырцового кирпича и смазанные снаружи глиной.

— Это самое новое городище, — сказал мне Х, — его называют Байрам-Али-Хан-Калой (Кала — по-туркменски крепость), так как приписывают, — хотя и напрасно, — постройку ее тому хану, о котором вы только что читали.

— Вы сказали, — перебил я его, — самое новое городище? Но сколько ж их тогда?

— Собственно нужно считать три: то, которое теперь перед нами, относится к XV-XVIII векам. За ним и немного в стороне от него, мы увидим другое городище, предшествовавшее, по времени, этому именуемое Султан-Калой. Там сохранились наиболее замечательные постройки, к которым мы собственно и едем. Султан-Кала отвечает XI и XII векам, т. е. периоду наибольшего процветания Мерва. Наконец, [46]

третье, самое древнее городище, именуемое Гяур-Калой или крепостью неверных, лежит за Султан-Калой. В нем уже ничего, кроме мусора и балок, не осталось. Существование его относят к временам владычества в Мерве арабов, т. е. к VIII-XI векам.

— Но это городище, которое теперь перед нами, представляет, как я вижу, замкнутый четырехугольник с стенами весьма солидной конструкции?

— Совершенно верно, это прямоугольник, имеющий по длине около трех четвертей версты, а по ширине около полуверсты. Кругом идут массивные, саженой толщины, стены из сырцового кирпича, представлявшие, по тем временам, несокрушимую защиту.

— При таких стенах, бухарцам, конечно, трудно было брать Мерв, и понятно, почему они ограничивались разорением плотины, но скажите, кто же построил это городище?

— Мне только что пришлось прочитать весьма интересное сочинение профессора Петербургского университета Жуковского, посвященное древностям и истории Старого Мерва. По мнению его, Байрам-Али-Хан-Кала только была названа по имени этого хана, а построена она значительно раньше знаменитым персидским шахом Аббасом Великим, когда он, в самом начале XVII века, занял Мерв и обвел его высокими стенами с глубокими рвами и крепкими башнями.

Мы успели обогнуть юго-западный угол стены и, проехав вдоль западного фаса ее, въехали в широкие ворота, с обеих сторон которых, — судя по развалинам, достаточно еще уцелевшим, — возвышались раньше высокие башни. Тут же видны были достаточно еще сохранившиеся амбразуры, бойницы, галереи, свидетельствовавшие о сравнительно высоком фортификационном искусстве владельцев крепости.

Но за то вся внутренность городища, которую мы перерезали по хорошо накатанной дороге, оказалась совсем пустой: никаких руин, никаких построек. Я справился у своего спутника, что это значит.

— В этом много виновато наше имение, а также Закаспийская железная дорога. Возводя свои постройки, инженеры нуждались, конечно, в строительном материале и без зазрения совести ломали здешние руины и по особо устроенному рельсовому пути увозили отсюда в вагонетках прекрасный жженный кирпич. [47]

— Но ведь это варварство!

— Мы уже отказались от него и стараемся, наоборот, на сколько хватает сил и средств, поддерживать старину. Но ей тем не менее грозит опасность рано или поздно исчезнуть, если не будут ассигнованы на то потребные суммы. Но это только лишь здесь такое запустение. В смежной части этого городища, в которую мы сейчас въезжаем и которая называется Абдулла-Ханы, сохранилось еще много развалин и иногда настолько хорошо, что можно судить об архитектуре построек.

Действительно, проехав вторые ворота, такие же, как и первые, мы очутились среди развалин, довольно устойчиво выдержавших долгую борьбу с временем и стихиями.

По обеим сторонам дороги, переходившей с бугра на бугор, виднелись в разных местах руины всевозможных форм и видов, перемежавшихся грудками кирпичей и мусора.

В одном месте мы велели остановить лошадей и вышли из брички. Остальная компания последовала нашему примеру.

Перед нами был ряд кирпичных построек, то сохранивших еще свои сводчатые крыши, то потерявших уже их и выставлявших под действие стихий свои и так уже обглоданные и поосыпавшиеся стены. В некоторых видны были глубоко ушедшие в землю подвалы. Кругом лежали кучи мусора и кирпичу, значительно затруднявшие движение.

В виду этого последнего обстоятельства, хотя наши хозяева и говорили, что в северо-восточном углу Калы, или в кремле ее, сохранился двухэтажный дворец правителя с рядами комнат, с надворными постройками и конюшнями, — большинство моих компаньонов запротестовало против осмотра их, так как проехать туда в экипажах было невозможно за отсутствием дороги.

Обойдя две-три ближайших развалины каких-то цистерн и бань и пропустив вперед экипажи с дамами, мы тронулись по их следам.

— Скажите, — обратился я к своему спутнику, — эта часть крепости примыкает своей западной стеной к восточной стене Байрам-Али-Хан-Калы!

— Да, — ответил он, — одна стена у них общая. Абдулла-Ханы немного меньше Байрам-Али-Хан-Калы, но въездные ворота в трех параллельных стенах их находятся почти на одной линии, и через них-то и идет наша дорога. [48]

— К какому же времени относится эта часть крепости?

— Она возникла в начале XV века, через два века после ужасного разгрома Старого Мерва или Султан-Калы монгольскими полчищами.

— Кто же ее выстроил, и почему она называется Абдулла-Ханы?

— Первым строителем ее был Султан-Шахрох, сын знаменитого Тимура — этого Железного Хромца, гробница которого, как вы знаете, находится в Самарканде. При жизни отца, Шахрох был правителем Хоросана и Мервской области, как одной из его частей. Нужно думать, что тогда уж он задумал восстановить знаменитый Мерв. Став же султаном, он издал приказ, чтобы все подданные, не занятые на своих местах, шли в Мервский оазис и помогли поднять из пепла старый город. Прежде всего он восстановил плотину на Мургабе и расчистил каналы, ведущие от нее воду к Мерву и засыпанные от времени землей. После этого, как выразился один современный Шахроху поэт, земли, лишенные дотоле воды и разбитые, как сердца влюбленных, получили блеск девственных ланит красавицы и свежесть первого пушка на ее щеках. Изгнаны были со старых заброшенных полей гиены и лисицы, давно уже считавшие их своим достоянием, и на них вновь зашумели сочной листвой роскошные сады, дававшие приют сладкозвучным пташкам и укрывавшие от зноя усталых путников. Народ стал стекаться со всех сторон толпами, заселяя заброшенные места и устраивая базары, бани, караван-сарай, училища и мечети... Через десяток лет разрушения как бы не бывало, и на месте прежних пустырей появился большой и богатый город.

— Преемники Шахроха относились не менее заботливо к начатому им делу, и особенно отличился в этом отношении правитель Мерва, Мирза-Санджар, живший в XV веке, — соименник знаменитого султана Санджара, доведшего Старый Мерв в середине XII века до высшей степени его процветания и в нем же погребенный в мавзолее, который вы скоро увидите. В виду такого совпадения имен один местный поэт сказал:

«Сердце юноши так же оживляется любовью, как и сердце старика:

Строителем Старого Мерва был Санджар и Нового также Санджар». [49]

— Но почему же тогда, — спросил я, — эта часть крепости называется Абдулла-Ханы, а не Шахрох или Санджар-Кала?

— По этому поводу, — ответил Х., — должно, кажется, ограничиться одними предположениями, хотя Абдаллах-Хан — личность историческая и некоторое время владел Мервом.

— В начале XVI века, — продолжал он, — Хоросаном и Мервом завладела Персия, хозяйничавшая тут до известных уже вам событий конца прошлого века, когда бухарский эмир Шах-Мурад присоединил оазис к своим землям. Но старые господа этих мест, Тимуриды и Узбеки, не сразу отказались от них и долго враждовали с персами. Абдаллах-Хан был из числа Узбекских государей и известен был в средней Азии своей благотворительностью. Он решил отнять Мерв у персов, и это удалось ему в самом конце XVI века, хотя и на очень короткое время. Перейдя Аму-Дарью, он остановился в Чарджуе, а главных своих вождей послал вперед для рекогносцировки. Но эти последние разошлись во мнениях и разбились на две партии. Одна из них, зная хорошо дорогу, скрытным ночным маршем подошла к северной стене Мервской крепости и,

овладев неожиданным нападением несуществующими уже теперь воротами Пехлевана-Ахмеда, вторглась в город. Но жители уже успели собраться и, дав им решительный отпор, выгнали из города. Другая партия заблудилась в окрестностях и, подойдя к Мерву с западной стороны, приступила к закладке огня под ворота, но тут главный предводитель ее был смертельно ранен, и узбеки отступили. На следующий день явился и сам Абдаллах-Хан и ночью сделал приступ, но также был отбит. Также неудачна была и вторая его попытка. Тогда, пылая гневом, он решил устроить общий приступ, но военачальники отговорили его от такого рискованного шага и посоветовали разрушить плотину на Мургабе и, лишив таким образом осажденных воды, заставить их сдаться. Абдаллах-Хан послушал совета и завладел Мервом.

Пока шел этот разговор, мы уже выехали из пределов Абдулла-Ханы и двигались по открытой и слегка всхолмленной равнине, на которой в разных направлениях виднелись развалины всевозможных форм и видов. Особенно бросилось мне в глаза большое куполообразное здание, стоявшее далеко впереди за какими-то валами, и видневшаяся в стороне громадная полуразрушенная постройка конической формы, со сбитой временем верхушкой. [49]

— Большое здание с куполом, сказал Х., — это — мавзолей султана Санджара, куда мы собственно и едем: это наибольшая достопримечательность Старого Мерва. А заинтересовавший вас полуразбитый временем корпус — один из старых персидских ледников. Впрочем, персиане и теперь еще строят подобные ледники.

— И хорошо в них сохраняется лед?

— Целыми годами лежит и не тает. Мы также усвоили себе этот способ хранения льда. Жаль, что мы раньше не заговорили об этом, а то я показал бы вам наши прошлогодние ледники. Они находятся как раз у восточной стены Абдулла-Ханы, во рву, где хорошо защищены от солнечных лучей.

Мы подъехали к живому мостику, перекинутому через наполненный водою Меджеур-яб. Дамы подняли крик, когда мост заплескал под ногами лошадей, но переезд совершился благополучно, и мы быстрой рысью двинулись к выроставшей перед нами оригинальной постройке в виде двух стен с нишами.

Через минуту экипажи остановились, и наши хозяева предложили нам выйти посмотреть «гробницы двух сподвижников Магомета».

— Магомета? — спросил я с изумлением.

— Да, Магомета, — ответил Х., — так, по крайней мере, говорят надписи на камнях, лежащих над могилами.

К ним вела малопроторенная тропинка, заросшая по бокам разными сорными травами. Тут же стояло несколько построек-руин, в виде комнат с сводчатыми крышами. Направо оказалась старинная, но все еще прекрасно сохранившаяся цистерна с глубоким водоемом. Каменные стены, сводчатый куполообразный потолок, каменная лестница в глубину — все это настолько уцелело, что хоть сейчас можно бы влить надлежащее количество воды, следы которой до сих пор сохранились на стенах цистерны.

Еще несколько шагов, и мы очутились около гробниц двух асх'абов или сподвижников Магомета.

Это были две каменных камеры, сильно пострадавшие от времени, без крыш, с широкими амбразурами в каждой из стен, заделанными деревянными решетками. Внутри каждой камеры лежало по серой мраморной плите с красивой высеченной арабской надписью и с не менее красивым узорчатым пояском на верхнем краю. Камеры не велики и стоят друг от [50] друга на 1 1/2—2 сажени. Сзади их и как бы в защиту воздвигнуты так называемые ворота, или две толстых кирпичных стены с глубокими нишами в каждой из них, замыкающимися наверху острым сводом. По общему кирпичному фону «ворота» и особенно обе ниши отделаны глазурованными кирпичиками разных цветов — то голубого и синего, то красного и белого. В общем получались довольно красивые узоры, подобные которым часто приходится встречать на мусульманском востоке.

— По преданию туркмен, — сказал Х., — под этими камнями похоронены два святых проповедника или, — как говорят другие, — брат и сестра благотворители. Те же местные предания приписывают обеим могилам целебную силу, и к ним стекаются на поклонение обитатели окрестностей. Вот эти шесты с тряпками наверху, которые приделаны к камерам, — это приношения правоверных сынов ислама. Весь этот мусор, который валяется кругом: кирпичи, стеклашки, обломки глиняных сосудов — все это собрано по всему полю развалин и принесено сюда усердными богомольцами, в виде жертвы.

— Но вы сказали, что тут похоронены сподвижники Магомета? — спросил я.

— Да, судя по этим надписям. Но, по несомненным данным, как надписи, так и плиты происхождения более близкого к нам времени, чем самые могилы.

— А надписи эти разобраны?

— Профессор Жуковский дал их перевод. Я не могу, конечно, передать вам памятью содержание их, но помню, что на одной плите говорится об Абу-Абдаллахе-Бурейде, которого сам Магомет прислал сюда для распространения Корана и который был несколько лет правителем Мерва и здесь же умер и похоронен — как помнится, в 681 году. Под другим камнем лежит будто бы другой асх'аб — Аль-Хакам, правивший Мервом еще до Бурейды и также умерший здесь за 10 лет до своего преемника. Магомет называл их обоих «очесами жителей востока».

— Но какое варварство, — сказал кто-то: — вон уже отбили угол у плиты.

— Да, — отозвался Х., — видно, один из туристов пожелал унести кусочек надписи на память. Но во избежание повторения этого впредь мы вставили в амбразуры решетки.

Одна из дам, отделившаяся несколько от нас и ходившая [52] по смежным развалинам, громко вскрикнула и бросилась назад. Все поспешили к ней, участливо справляясь, что случилось.

— Змея, огромная змея, — задыхаясь, ответила она, — я ходила по гробницам и чуть не наступила на нее.

— Где, где? Покажите, — сказал один из кавалеров, вытаскивая из кармана револьвер, — мы сейчас же накажем ее.

Дама показала место, и все мы пошли туда.

Действительно, шагах в тридцати от могил лежала, вытянувшись среди мусора и травы, громадная змея, не менее, как в сажень длиной и в руку толщиной. Она грелась на солнце и, видимо, не дала себе труда даже пошевелиться, когда дама наткнулась на нее. Но теперь, завидев нас и как будто угадав наши намерения, она подняла свою голову и, раскрыв пасть, издала шипящий звук... Но тут же раздался выстрел, и змея, судорожно изгибаясь, задвигалась всем телом и бросилась прочь: видимо, пуля попала в цель...

За первой пулей последовала вторая, а один из наших спутников-офицеров, выхватив шашку, подскочил сзади и одним взмахом перерезал ее пополам...

И такова была жизненность и ярость змеи, что, перерубленная пополам, она бросилась назад и схватила зубами за шашку с такой силой, что сталь зазвенела от удара. Но тут же третья пуля угодила прямо в голову, и огромное пресмыкающееся, вздрогнув, судорожно вытянулось и издохло.

IX.

Мавзолей султана Санджара.

Султан-Кала-Мерв при Сельджуках. — Султан Саиджар и высшее процветание Мерва. — Величественный мавзолей, его внешний и внутренний вид. — Легенда о пери-супруге Санджара — Мечеть Ходжа-Юсуп. — Разгром Мерва монголами в XIII веке.

Пересекши кладбище, мы вышли на дорогу, где уже стояли наши экипажи. Я по прежнему сел в бричку рядом с поручиком Х.

— Извините меня за мои докучные вопросы, — обратился я к нему, когда мы вновь двинулись среди развалин и каких-то [53] валов или глинобитных стен, — скажите, мы теперь находимся в крепости султана Санджара?

— Да, — ответил Х., — уже гробницы асх'абов находятся в пределах Султан-Калы. Площадь ее значительно больше, чем площадь первых двух крепостей, и каждая стена имеет около двух верст длины. Мы сейчас пересекаем южную стену Калы.

— Какая же история Султан-Калы?

— Время основания этого городища с точностью неизвестно, но можно, кажется, предположить, что относится к эпохе Сельджукской династии, которая водворилась в этих краях на развалинах Арабского царства, предшествовавшего турецкому владычеству и просуществовавшего с VII по X век включительно. Уже при арабах Мерв процветал, но при Сельджуках, по словам истории, он достиг высшего расцвета. Он стал столицей Азии, Царем Мира (Мерву было усвоено тогда, как помнит читатель, имя Шагджан или Царская душа. Но иногда называли его и Шахджехан, т. е. Царь Мира), богатейшим и славнейшим городом, рассадником культуры и средоточием науки и искусств. В нем был похоронен, как говорит предание, знаменитый султан Альп-Арслан, погибший в 1702 году, во время похода на Трансоксанию, от кинжала убийцы. По тому же преданию, он был положен рядом с отцом своим Джагри-Беком и дядею Тогрул-Беком и на могиле его, — как будто бы существующей и по ныне, — была сделана следующая надпись:

«Все вы, видевшие величие вознесенного до небес Альп-Арслана, ступайте в Мерв и узрите его погребенным во прахе».

— Но особенно заботился о Мерве, — продолжал мой спутник, — султан Санджар, имя которого вы слышали уже несколько раз. Этот знаменитый государь, которого приравнивают к Александру Македонскому, распространил пределы своей империи до Сыр-Дарьи и Инда и собрал в своей столице, Мерве, громадные богатства из всех завоеванных городов и стран. При нем Мерв-Шахджан разросся до неслыханных размеров... Но первое же военное несчастье султана повлекло за собой и разорение города. В середине XII века (в 1153 г) Санджар пошел войной на тюркское племя гузов, чтобы наказать их за отказ уплачивать дань. Но он был разбит наголову [54] и сам попался в плен. Гузы, преследуя разбитых турок, подошли к Мерву и потребовали, чтобы султан уступил им свою столицу. Санджар гордо отверг это предложение. Тогда враги

взяли силой этот знаменитый город и предали его разгрому. Грабеж продолжался три дня. Все мало-мальски ценное попало в руки варваров. Но, не довольствуясь этим, они предавали мучениям жителей, пытаясь, где зарыты остальные сокровища. Разгромив город, гузы ушли обратно, уведя с собой и султана. Три года томился в этом плену Санджар, но, наконец, ему удалось убежать и вернуться в Мерв. Однако, все эти мрачные события так повлияли на него, что он умер через год и был похоронен в том мавзолее, который выстроил себе заранее, назвав его «домом будущей жизни», и к которому мы сейчас подъедем.

— Вместе с Санджаром закатилась звезда не только Мерва, но и Сельджукской династии... Впрочем, последующие владельцы «Царя Мира» также сильно заботились о нем и ко времени нашествия монголов подняли его опять на прежнюю высоту. Но эти ужаснейшие враги цивилизации, нагрянув на страну в первой четверти XIII века, предали Мерв неслыханному разгрому и положительно не оставили в нем камня на камне. После этого разгрома жизнь замерла в нем на 200 лет, пока сын Тимура, Шахрох, как я уже рассказывал вам, не обратил на эти благословенные места, текущие медом и млеком, своего милостивого взора и не приказал заново отстроить город, заложив его, по мусульманскому обычаю, не на старом пепелище, а несколько в стороне.

— Однако вот мы и приехали, — сказал Х., прерывая свой рассказ, когда мы по скверной бугристой дороге, шедшей по голой, всхолмленной горами кирпичей и мусора местности, добрались до громадного начавшего разрушаться здания с куполообразной крышей — того самого, которое бросилось мне в глаза еще при выезде из Абдулла-Ханы.

— Что-за громада! — невольно сказал я, — и какая прекрасная архитектура!

И, действительно, нельзя было не преклониться перед этим chef-d'oeuvre'ом строительного искусства, перед этой красивой громадой, возникшей еще в XII столетии и до сих пор так мало поддававшейся действию времени и стихий!

— Да, забыто старое искусство, — сказал кто-то из моих спутников, — какая из нынешних построек выдержит такой [55] огромный период и с такой честью, как этот мавзолей султана Санджара?!

Прежде, чем войти во внутрь мавзолея, мы обошли здание снаружи и удивлялись его размерам и красоте стиля.

В основание его положен правильный полукуб, на который поставлен цилиндрической барабан, закрытый сверху довольно плоским куполом. Кругом барабана шли полуобрушившиеся уже третьярусные ходы галереи, украшенные изящными колоннами и пилястрами и красивыми узорами лепной работы — из глины и терракоты. Сводчатые амбразуры окон пересекали в разных местах галереи и были украшены разными узорами или арабскими надписями.

Все это, вместе с огромными размерами здания (Высота около 14, длина и ширина около 12 саженей), производило сильное впечатление и невольно переносило мысль к тем отдаленным временам, когда миллионы людей гибли по манию завоевателей полумира, а другие миллионы стекались для постройки им мавзолеев и великолепных памятников!..

Но внутри мавзолей оказался еще величественнее, еще грандиознее, так как пол его (земляной теперь) лежал значительно ниже уровня наружной земли, засыпанной в значительной степени цоколем здания.

Огромный и плоский купол, опиравшийся на круглый барабан и ничем, кроме этого последнего, не поддерживаемый, уходил высоко вверх. Казалось, он просто висел в воздухе без всяких опор и каждую минуту готов был рухнуть вниз и погребсти под своими развалинами смельчака, осмелившегося вступить под его своды и нарушить царившие там покой и тишину...

— Я боюсь, — сказала бывшая с нами барышня, — этот противный купол сейчас упадет и раздавит нас всех...

— О, непременно, — отозвался один из кавалеров, — он именно нас-то и поджидал столько веков.

— Вы смеетесь, — рассердилась она, — а я, правда, боюсь и ни за что не войду во внутрь здания!..

И, действительно, осталась во входе, прорезывавшем могучую, более чем в сажень толщиной, стену мавзолея и защищенном сверху высокой аркой.

Остальная компания вошла во внутрь мавзолея и с любопытством присматривалась к его могучим стенам, покрытым [56] когда-то лепными орнаментами, разноцветной глазурью и арабскими надписями, почти изглаженными уже беспощадной рукой времени и неудачными реставрациями; к стрельчатым окнам и громадному барабану, на которых сохранились еще кое-какие украшения и особенно одна круговая узорчатая надпись голубой глазурью по белому фону; к глубоким гнездам в нижней части стен, служивших, очевидно, для балок, поддерживавших пол, и поднятым значительно над землею; и опять таки к громадному куполу, который будто каким волшебством держался на воздухе и имел в центре большое круглое отверстие.

— Этот купол, — сказал кто-то, настоящий chef-d'oeuvre строительного искусства. Как гениально устроен он и как целесообразна и вместе красива эта система спарочных сводов, поддерживающих его и один из другого исходящих!

Разговор происходил внутри мавзолея, около гробницы султана Санджара, стоящей по середине здания и представляющей большой кирпичный ящик, вымазанный глиной. Он поставлен будто бы над могилой знаменитого Сельджукида, которого туркмены почитают за святого и приносят ему в жертву разный хлам, — вроде битого стекла, кусков кирпича, тряпочек, или горсти пшеницы. В головах гробницы поставлен шест, к которому наверху прикреплена самая обыкновенная и притом грязная тряпка.

При осмотре здания, мы не могли, конечно, не заметить, что оно сильно обветшало, и рано или поздно от этого величественного многовекового памятника останется одна груда развалин, если своевременно не придут ему на помощь.

Купол уже дал большую трещину; потрескался барабан, потрескались стены... Потоки грязной воды, проходящие свободно во внутрь, портят остатки внутренних украшений и приближают момент «кончины» всего здания.

— Но мечеть, видимо, усердно посещается и теперь, — сказал кто-то, — вон сколько здесь набросано дынных корок. А вот и кожа правоверной змеи, которая, очевидно, приползла в мечеть для перемены ее близ гроба святого.

— Позвольте, позвольте, господа, — сказал другой из моих спутников, стоявший в противоположном углу мавзолея, — обратите внимание, какой тут великолепный резонанс.

И, действительно, при 40-аршинном расстоянии между диагонально-противоположными углами здания, каждое слово, чуть [57] слышно произнесенное в одном углу, отдавалось в другом с необычайной ясностью и отчетливостью, как будто источник звука находился на расстоянии одного шага.

— Да, во всех отношениях великолепное здание, и очень жаль, что оно осуждено на разрушение...

Выходя из мечети, наткнулись на толпу туркмен, собравшихся, очевидно, для поклонения могиле «святого» и вошедших в мавзолей, как только мы его оставили...

Севши вновь в экипажи, мы обогнули мечеть и по отвратительной дороге, заставлявшей дам поднимать громкие вопли и мешавшей разговору, добрались через некоторое время, среди той же голой местности, к последней достопримечательности Мерва — к мечети Ходжа-Юсуп.

Это небольшой двор, охваченный со всех сторон стенами и постройками. Посредине двора стоит надгробная камера с арками по бокам, заделанными решетками. Внутри камеры находится кирпичный ящик, покрытый двумя коленкоровыми чехлами.

— Здесь похоронен, по преданию, святой подвижник и аскет Ходжа-Юсуп, — сказал нам Х. — жил он при султани Санджаре и прославился, как проповедник ислама. Он собирал предания о жизни Магомета, 38 раз был в Мекке, 10 тысяч раз прочел в свою жизнь Коран и знал наизусть до 700 сочинений по разным отраслям знаний. На поклонение его гробу стекается сюда много мусульман, предающихся созерцанию и размышлению о 99 божеских совершенствах вот в этом минарете, который стоит около гробницы...

Через час, по той же дороге, через все три калы, мы вернулись обратно в имение, где нас ждал прекрасный обед, а вечером, в тот же день, сердечно поблагодарив любезных хозяев, я уехал с пассажирским поездом в Мерв, куда меня отзывали служебные дела.

В заключение этой главы я не могу не остановиться на одном из интереснейших моментов жизни Старого Мерва, а именно на его разорении монголами в XIII веке. Проф. Жуковский, в вышеназванном сочинении своем, подробно описывает этот момент. Его рассказом я руководствуюсь в дальнейшем изложении.

Перед нашествием монголов, в Мерве проживал в течение трех лет знаменитый арабский путешественник и [58] географ Якут. Он восторженно отзывается об этом городе в своем сочинении «Алфавитный реестр стран» и между прочим говорит, что в 1219 году, когда он покинул Мерв, этот последний был в удивительно цветущем состоянии. «Если бы не нашествие татар и бедствия, которые от него приключились, я окончил бы свою жизнь в Мерве. Так я был прельщен нежностью, доброжелательностью и вежливостью его жителей и очарован заключающимися в нем книжными богатствами по части основных наук. Мерв имел тогда 10 библиотек-вакфов, более богатых сочинениями, чем библиотеки любого другого города»... Одна из этих библиотек, составленная вельможею султана Санжара, состояла из 12 тысяч томов!..

И через два года от богатого города остались одни лишь развалины!...

«Перед появлением монголов, — говорит историк Джувеини, — весь Хоросан был в цветущем состоянии, особенно Мерв, который был некогда столичным городом султана Санджара, прибежищем малого и великого. Площадь его выделялась из стран Хоросанских, и птица безопасности и благополучия летала во всех концах его. Количество населения его соперничало с каплями весеннего дождя, а земля соревновалась с небом. Помещики, по изобилию благ, равнялись с царями и начальниками своего времени, с вельможами и властелинами мира».

Первые же вести о приближении монголов возбудили панику в Мерве, а когда к нему подошел авангард их, — под начальством тех же Джебе-Нойона и Субудая, которые разили русских князей на Калке, — то правитель Мерва изъявил полную покорность и подчинение. Благодаря тому, завоеватели удовольствовались «малым угощением» и ушли далее, не тронув «Царя Мира». Но тут же в Мерве начались раздоры и соперничество за власть, что дало повод татарам вмешаться в его дела, а в 1221 году осадить его и затем предать огню и мечу.

При осаде одного из хоросанских городов пал любимый внук Чингиз-хана, Мутуген, сын Джагатая. Разгневанный этим, Чингиз приказал царевичу Тули-хану разорить все города Хоросана, не щадя никого из их обитателей, от трудного младенца до 100-летнего старика.

Исполняя этот приказ и предавая разгрому все, что попадалось [59] ему на пути, Тули-хан очутился в 1221 году под стенами Мерва с 70-тысячным войском.

Он сам лично с 500 избранных обошел город и в течение 6-ти дней все смотрел на вал, стену, ров и городские минареты, сомневаясь при таких мервских твердынях в успехе. На седьмой день, стянув войска, он подошел к городским воротам и начал войну. Жители сделали две вылазки, но обе окончились неудачно. Монголы без всякого труда загнали смельчаков в ворота и кольцом обложили город, так что и вход и выход стали невозможны. Ночью всюду стояла стража. Правитель Мерва, Муджир-аль-Мульк, видел единственное спасение в покорности. Он отправил к Тули-хану послом для переговоров мервского имама Джемал-аль-Дина, прося пощады. Тули-хан ответил обещаниями и заверениями, после чего Муджир-аль-Мульк сам поехал к нему на поклон с богатыми подарками. Осведомившись о положении города, Тули-хан потребовал список богачей. Муджир-аль-Мульк указал 200 человек. Их привели и пытали о сокровищах и драгоценных вещах. Затем войско вступило в город и четверо суток выгоняло жителей в поле, безжалостно разлучая мужей с женами, детей с родителями. Все они были разделены между солдатами и избиты. Исключение составили заранее намеченные 400 избранных и несколько младенцев мужского и женского пола, которые были уведены в плен. Говорят, что на долю каждого воина досталось 300-400 человек. За ночь было столько убито, что возвышались горы трупов и кровь текла рекой. После того Тули-хан приказал сломать стену и разрушить крепость. Покончив с грабежом и разором, монголы поставили одного из мервских вельмож правителем народа, который несомненно должен был собраться из разных углов. Попрятавшийся люд стал, действительно, выходить из укромных мест, и собралось его около 50 тысяч. Монголы, шедшие за Тули-ханом, претендуя на свою долю в человекоубийстве, хитростью выманили народ в поле: попросили, чтобы каждый житель вынес им в подоле пшеницы. Началась резня уцелевших от первого побоища. Один из почтенных в Мерве сейидов с помощниками 13 суток считал убитых. Оказалось, что погибло, не считая жителей предместий и деревень, 1.300.000 человек!

Через некоторое время последовало новое разорение, при чем погибло около 100 тысяч человек. Их десятками связывали [60] вместе и уводили в плен. Город был отдан на грабеж солдатам, и все в нем было предано разрушению. Затем монголы удалились, но один отряд остался добивать уцелевших. Употребляя разные средства, в роде обычного призыва к молитве, они выманивали их из укромных мест и избивали в течение 41 дня. Осталось только несколько жителей, но новый отряд уничтожил и их.

В конце концов от Мерва, Души Царской, осталось только около 12 индийцев почти детского возраста, а по другому преданию, уцелело всего четыре души. Город стал обителью гиен и хищных зверей. От деревьев не осталось ни одной ветки, а от дворцов — ни одного бельведера.

«Гневный Создатель, — говорит историк Хафиз-Абру, — до такой степени постиг народ тот, что около 200 лет ни для одного путника не было тени, в которой он отдохнул бы хотя минуту, а у жителя не было соседа, которому он мог бы рассказать об ударах судьбы».

Через двести лет, как знает уже читатель, Старый Мерв был возобновлен султаном Шахрохом, но в конце прошлого и в начале настоящего веков и этот новый город погиб под ударами бухарцев.

И где прежде процветала пышная культура, где были сосредоточены все богатства мира, где развивались науки и искусства, — там теперь стоят одни развалины — обиталище шакалов и змей!

Sic transit gloria mundi!

А. Андреев.

Текст воспроизведен по изданию: На развалинах древнего Мерва. (Из путевых записок) // Русский вестник, № 10. 1896